

Т. БЕЛАЯ

ДЕМОНЫ НА ПРИВЯЗИ

18+

Тигра Белая

Демоны на привязи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649746

SelfPub; 2020

Аннотация

Избранной быть нелегко. Волколаки пытаются съесть, ифриты сжечь, а два демона, которые должны защищать, как-то уж слишком двусмысленно облизываются. Как выбраться из этой сказки?! А то она какая-то слишком для взрослых... кровавая и откровенная. Москва, Камчатка, на деревне у дедушки. Никаких иных миров. Все демоны уже здесь, а также домовые, эльфы и прочие сказочные твари. В оформлении обложки использована фотография автора chaletgirl «Fashion model with make up and snake. Perfect skin, brunette hair» с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1. Это черезЧур	4
Глава 2. Следуй за серым кроликом	14
Глава 3. Даймоний	27
Глава 4. Демон-ангел, какая в беду разница!	40
Глава 5. Что чуру хорошо, то волколаку смерть	59
Глава 6. Мелкие пакостники	76
Глава 7. Огненный дух лампы	94
Глава 8. Камни равновесия	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Глава 1. Это через Чур

«И были прокляты двое из двенадцати за свои злодеяния. В наказание первого погрузили в вечный сон. Кара второго была во сто крат тягостнее, суждено было ему пребывать в одиночестве стеклянного лабиринта тысячу лет».

Отшельник. Из сказаний о Двенадцати

Уже второй день живу в одиночестве в деревенском доме, оставшемся в наследство от прабабушки по материнской линии. Эта старая развалюха по какому-то недоразумению считается нашей семейной дачей, со всеми прилегающими к этому понятию садами и огородами. А что мне еще остается делать? Ведь у меня отпуск! Вынужденный, но об этом позже. Эта дача в Подмосковье – единственный вариант. С моей профессией много денег не заработать, во всяком случае, пока ты никому не известный аспирант.

Помню, как, узнав о моем выборе специализации «Религиоведение», мама воскликнула: «Арина, одумайся! Кому это сейчас нужно? Кем ты будешь потом работать?» Но я решила твердо. Отец неожиданно меня поддержал: «Отстань от дочери, дай ей набить свои собственные шишки. Не понравится – заново поступит или получит второе высшее». Мой разумный папа, я была так благодарна! Но не передумала. Меня завораживала и манила эта информация о сходстве и различии в верованиях разных народов.

Я еще не знаю, что делать дальше. С ительменами, с аспирантурой, с исследованиями. До слез обидно, что Эдуард Михайлович так поступил со мной. Не понимаю. Зачем было выставлять меня из проекта? Решила не забивать этими вопросами себе голову хотя бы до конца месяца. У меня есть свои собственные наработки. Вот ими и буду заниматься.

С утра так увлеклась найденной на чердаке книжкой без обложки, что даже поленилась обед сварить. Нужно хотя бы об ужине позаботиться. Режу овощи на салат и напеваю под нос мелодию без слов.

– Вот же шь!

Порезалась. Нож в крови, капли крови на ломтиках салата, и даже на полу брызги. Нахожу аптечку в соседней комнате и с удивлением обнаруживаю, что кровь уже остановилась и свернулась. У страха глаза велики. Всего лишь царапина, даже пластырь не понадобился. Возвращаюсь на кухню и обнаруживаю там котенка. Черный лохматый зверек урчит, вылизывая деревянные доски пола. При моем появлении нехотя отрывается от своего занятия. Оно не котенок! Не бывает у кошек таких зубов. Больших, острых, страшных.

Это все из-за крови. У меня кровь Избранной, которая может освободить всяких запертых существ! Откуда я это знаю? Да произошел один случай на Камчатке пару недель назад. Я почти убедила себя, что это был сон. Иногда у меня очень хорошо получается врать самой себе. Но об этом тоже позже.

– Ты кто? – Нельзя сказать, что спрашиваю это совершенно бесстрашно, но голос не дрожит. Какая я молодец!

Лохматый гость старательно обнюхивает пол, на котором больше не осталось капель крови, и недовольно фыркает. Впивается в меня голодным взглядом, очерив полный ряд острых зубов. Отступаю, а существо не спеша крадется следом за мной. Ох, оно облизывается! Не нравится мне этот явно гастрономический интерес. Арина, думай! Ты же знаешь все мифы и сказки. Кто это и как от него обороняться? Просто пнуть? Эти зубки мой тапок прокусят и не заметят преграды. Может быть, поможет серебро? Железо? Святая вода?

Существо припадает к полу, готовясь к прыжку...

– Чур меня! Чур! – Машу руками, стараясь защитить лицо. Мой крик застаёт существо врасплох. Оно валится на пол на середине прыжка, недовольно фырчит, сворачивается мохнатым клубком.

– Ну зачем так орать?!

Там, где только что был спутанный клубок черной шерсти, теперь стоит маленький человечек с всклокоченной бородой, глаза его отливают фосфоресцирующим зеленым. Существо только отдаленно напоминает человека: росточком оно мне по колено, острые ушки с кисточками шерсти. Оде-то оно в длиннополую рубашку из неотбеленной холстины, подпоясанную бечевой.

– Кто ты? – решаюсь спросить еще раз, видя, что, став

человекообразным, существо передумало нападать.

– Чур я, чур, сама позвала. Домовой. Пра-пра-пра-мно-го-пра-дед твой.

– Пра-пра-пра-пра?.. – меня заедает на очередном «пра», а человек усмехается.

– Чуром зови или дедушкой. Эх, силы почти не осталось, совсем малым духом стал! Разум почти потерял. А тут кровь твоя. Разбудила.

– Ты что, под половицей спал?

– Зачем под половицей? За печкой я спал. Уже лет семьдесят, посчитай, не выходил оттуда. А тут чую, запах разнесся сладостный, силой веет. Как тут не выйти?

Понятно, что ничего не понятно.

– А на меня почему напал и почему остановился?

– Так ведь сила. – Человек делает вид, что смущается, но продолжает говорить, поглядывая на меня и облизываясь, точно кот, углядевший крынку со сметаной: – Кровь и плоть твоя дает силу великую. Смогу не просто домовым быть, а лешим стать или водяным. Русалок гонять буду.

Вид у моего собеседника становится мечтательным. А я потихоньку начинаю смиряться с тем, что, возможно, все, вот действительно все легенды и сказки имеют под собой реальные прототипы. Этак выяснится, что бог существует!

– А почему остановился? – переспрашиваю еще раз, так как домовый не спешит делиться этой очень ценной информацией.

– Так ведь пращур я твой... – Он горестно вздыхает, явно сожалея об этом. Оглаживает бороду, пытаясь придать ей менее всклокоченный вид, и, помедлив еще немного, продолжает: – Ты меня позвала, признавая родство. А потомков своих я обижать не могу. Вот и не съел тебя.

– Почему поедание меня дает какое-то могущество? – пытаюсь добиться от лохматого пращура более внятного ответа и не поддаваться на паническое: «Он меня сожрать хотел!»

– С людьми такое бывает иногда... – Домовой опять медлит с ответом. Хотя то, что я не такая уж уникальная, радует.

– Чур!

– Тебя благословили и прокляли одновременно. Ты теперь Избранная. Жертва. Больше не знаю ничего. Просто такое с людьми бывает. Наказание и награда одновременно. Ты что-то сделала? – В домовом просыпается любопытство.

– Кажется, я освободила какого-то кролика и его друга в виде змейки, – говорю я, понимая, что больше «Избранности» неоткуда взяться. Вот же пушистый длинноухий гад! Мог бы хоть упомянуть о жертвах и силе!

– Ах-ха! Моя прапраправнучка освободила Десятого и Двенадцатого!

– Чур? – Ограничиваюсь только одним словом, хоть так и тянет спросить: «А что такого смешного-то?»

– Что «чур»? Разчуркалась тут! Натворила-то делов, кто разгребать будет? Тебя-то сейчас быстренько съедят, а нам в этом хаосе дальше жить! Хоть ты и мой потомок, но по-

следыш какой-то! Дура набитая, честное слово! Выродился род, совсем выродился! – Домовой стоит подбоченившись, смотрит на меня с вызовом.

Возмущаться сил нет, в голове заезженной пластинкой повторяются слова: «Тебя-то сейчас быстренько съедят». Очень уверенно чур это сказал, как аксиому, без тени сомнения.

– Что же мне теперь делать? – задаю я вопрос скорее самой себе, чем домовому, но неожиданно получаю ответ.

– Что хоть в награду получила-то? Наверняка глупость какую-нибудь пожелала, а демоны тебя и облапошили. Награду надо с умом требовать, подумавши!

– Я не успела...

– Ах-ха-ха! – Домовой заливается смехом пуще прежнего, а потом вдруг останавливается и серьезно смотрит на меня: – Помогу тебе, последыш. Все-таки родная кровь. Ты только как надо попроси меня.

– Как в сказке? В баньке искупать, накормить, а только потом разговаривать? – деловито интересуюсь, чур благожелательно кивает. Эту сказку я знаю. За дело. Где там у меня ведра и березовый веник?

Через час на пороге кухни появляется чисто вымытый, причесанный домовый. Он теребит красный шнурок пояса и выглядит чрезвычайно довольным. И совершенно не страшным. Просто маленький опрятный старичок. Ну и что, что уши острые и волосатые. У каждого свои недостатки.

– Откушайте, пожалуйста, не побрезгуйте! – Протягиваю ему миску с молоком и сухариками. Ультрапастеризация – это мое спасение. Старый холодильник давно не морозит и годится только на то, чтобы служить шкафом.

– За печку поставь, – распоряжается домовою и сам скрывается в указанном направлении. Я аккуратно ставлю миску на пол, задвигаю ее за старинную печь. Мохнатая лапа касается моей руки, вырывая подношение, тут же раздаётся чавканье и сербанье. Не малова-то ли я ему молока налила? Через несколько минут довольный чур выходит, вытирая белое с усов и бороды.

– Совет тебе дам, внученька, а ты сама решай, что с ним делать. Те, кого ты освободила, считаются демонами. Десятый и Двенадцатый. Заточили Кролика и Змея полтысячелетия назад в наказание. Срок не истек, и поэтому ты теперь Избранная, дарующая силу. Мы тебя носом чуем! Запах твоей свежей пролитой крови на открытом пространстве до полверсты расходится. Удивляюсь, что кроме меня никто не пришел. – Домовою задумывается, почесывая острое мохнатое ухо, а потом продолжает: – Хотя это ж мой дом, моя вотчина, я ее заговаривал. Мелкая нечисть не сунется, а крупного тут не водится.

– Спасибо, чур. – Я не могу скрыть разочарования. Все эти усилия только для того, чтобы узнать, что моя кровь – лучшая приманка?

– Что за молодежь пошла, никакого уважения! Ни выслу-

шают до конца, ни печеного яблочка не предложат!

– Испеку я тебе яблочко! Говори только! – поддаюсь я на вымогательства домового.

– Так вот, совет такой. Попроси в награду от демонов защиту. Заклинаешь их именем, высказываешь просьбу и обязательно добавляешь «желаю». Только думай, последыш, прежде чем молвить. Если смогут демоны извратить твои слова, они так и сделают!

– Хороший совет, дедушка, спасибо. – Я кланяюсь. Спина не отсохнет, а домовый действительно полезный совет мне дал.

– Ну дура ж все-таки, как такая уродилась и смогла до таких лет дожить! – опять ругается домовый. – Спасибо она говорит! Нет бы сказать: «Дедушка чур, а как мне вызвать демона, чтобы награду у него испросить?»

Чувствую, как меня заливают краской стыда. Прав ведь домовый! Я уже начала придумывать желание и формулировки, а как и кому их высказывать буду – совершенно не приняла во внимание. Повторяю слово в слово про «дедушку чура». Старичок усмехается в бороду.

– Не безнадежные у меня потомки, радуется! Про оберег пятиконечный знаешь? Их еще вроде «пятнограммами» кличут. Чертишь мелом, а лучше ножом на полу или земле, читаешь заклинание призыва. И демон там сидит, пока ты свою награду не получишь. Только с демоном не ошибись!

– А ты какие яблочки больше любишь, дедушка, сладкие

или кислые? – пытаюсь поддерживать правила игры домового. «Пятнограммы» – это пентаграммы, судя по всему.

– Краснобоких сладких запекки. Записывай, что стоишь? Или память хорошая?

*Есть у меня верности печать,
никто эту печать не сможет взять:
ни руками, ни заговорными словами,
ни отворотным заклятьем,
ни триязыким проклятьем,
ни седьм дедом, ни хитрым ведом,
ни ведуницей, ни злой колдунницей,
ни шаманом, ни хитрым обманом,
ни ясными очами,
ни черными кудрями,
ни белой грудью,
ни Адамовым садом,
ни передом, ни задом.*

Явись ко мне, (укажи имя)!

– Записала? Что теперь надо сказать? – Домовой хитро щурится, поглаживая бородку.

– Как демонов зовут?

– Молодец, потомок, так и надо! – Старичок откровенно смеется, но, видно, доволен моим ответом. – Десятый и Двенадцатый, я же уже говорил. Но ты права. Так их не дозовешься, надо на мертвом языке звать. Сам-то я запомнил. Разузнать тебе придется.

У меня есть большое подозрение, что он знает их имена, но решил не подсказывать, чтобы мне жизнь медом не казалась. Да какой мед! На меня тут вся нечисть охоту открыла!

– Спасибо, дедушка, за науку.

– Про яблоки не запамятуй, – бурчит чур, скрываясь за печкой.

Мертвый язык – это, наверное, латынь. Эх, придется в город выбираться, в этой деревне и телефон с трудом ловит, а об интернете и речи не идет. И тут я вспоминаю разговор в лабиринте: «Как Децимус тебя нашел?» Слово «Децимус» звучит вполне подходящим для имени на латыни. Рискнуть? Или выбраться в город, где меня всякая нечисть почуять может и съесть?

Через пару часов я черчу ножом на полу в гостиной пятиконечную звезду, вершины которой соединены между собой через одну. Не зря меня мама таким образом учила звездочки рисовать! Проговариваю вслух записанные на бумажке слова.

– Явись ко мне, Децимус!

Голый парень с ключьями пены в мокрых волосах, появившийся посреди комнаты, удивляется, кажется, больше меня. А где кролик?

Глава 2. Следуй за серым кроликом

Настала пора рассказать, при чем тут кролик и кто такой змей. А началось все с Камчатки, вернее с Эдуарда Михайловича, моего научного руководителя. Этот импозантный мужчина под пятьдесят как-то умудряется даже после восьмичасового перелета выглядеть свежо и элегантно. Подозреваю, что в его кабинете висит портрет, на нарисованной одежде которого и появляется вся пыль и грязь, посмевшая коснуться настоящего костюма.

Именно с легкой руки научрука я попала пару в экспедицию для изучения верований ительменов. Недавнее извержение изменило ландшафт, мы находимся в долине, которая прежде была недоступной для машин.

Я просыпаюсь посреди ночи. Организм намекает мне, что вторая чашка чая после ужина была явно лишней и дело никак не потерпит до утра. Выбираюсь из спальника и с обреченностью вспоминаю, что «удобства» располагаются на улице, метрах в тридцати от палаточного лагеря, где разместилась на ночевку наша группа.

«Будьте осторожны, здесь водятся медведи», – предупреждение гида звучит в моей голове, пока я на ощупь зашнуровываю ботинки. Будить кого-нибудь для компании стыдно. Я успокаиваю себя мыслью, что вряд ли медведи будут подходить так близко к человеческому жилью, тем более что

сейчас лето и они не голодные.

Подсвечивая тропинку фонариком сотового телефона, останавливаюсь в нескольких метрах от кустов. Что-то шуршит! А! Подпрыгиваю вверх и назад. Не подозревала, что на такое способна. Но дальше тело не слушается. Хочу закричать, а голоса нет. Все, что я могу, это продолжать светить вперед. Может, я увижу медведя перед тем, как он меня съест? Я же мечтала увидеть медведя. Надеялась только, что между нами будут не настолько близкие отношения.

Что-то маленькое и юркое резво пересекает полосу света и исчезает в темноте. Это суслик! Не могу сдержать смеха. Суслика испугалась! Может, именно этого я кормила печеньем после ужина. Тут недалеко живет целая колония зверьков.

Луч фонарика запутывается в корявых ветвях, похожих на когтистые лапы, тянущиеся ко мне. Я почти слышу завлекательный шепот тварей, притаившихся в кустах. А почему бы не сходить в туалет в другую сторону? Там раскинулась широкая долина без ненужной растительности – никто не сможет незаметно подобраться.

Уже застегивая брюки, замечаю, что почва под ногами светится. Направляю вниз луч фонарика – обычный темный вулканический песок, такой же покрывает здесь все вокруг. И тут смартфон гаснет. Разрядился? Пытаюсь пробудить его к жизни, но безрезультатно. Свечение у моих ног усиливается. Какие-то камчатские светлячки или в песке содержит-

ся фосфор? Этот вопрос задает рациональная часть меня, а та, что одержима сказками и легендами, напоминает о феях, рассыпающих волшебную пыль.

– Привет!

От неожиданности подскакиваю еще выше, чем после шуршания в кустах. Мне показалось, или я действительно слышала, как со мной поздоровались? Наверное, кто-то из группы тоже вышел в туалет, а тут я в чистом поле... Стыдно-то как! Озираюсь вокруг, но нигде не видно ни луча фонарика, ни силуэта.

– Под ноги посмотри, – раздается тот же голос совсем близко.

Внизу все тот же светящийся песок.

– Левее, тупая ослица!

Кролик? Это что, кролик? Серенькое округлое тельце, вытянутые овальные ушки. Они разве здесь водятся? Зверек смотрит на меня черными бусинками глаз. Взгляд внимательный и какой-то... осмысленный.

– Э... Это ты сказал?

– Ну почему после стольких лет в забвении сна мне попадается настолько тупая ослица?! – патетично восклицает мелкий пушистик, картинно прикрывая ухом мордочку.

Все, Арина, приехали. Вот теперь ты разговариваешь с кроликами! Одно дело – воображать несуществующее, а совсем другое – видеть и слышать.

– Ты лунный заяц? Тебе стало скучно, и ты спустился на

землю? – решаю зачем-то уточнить у этого слишком реального воображаемого зверька. Пячусь, предположительно по направлению к палаткам.

– Ты меня пробудила, а теперь убегаешь?! И даже ничего в награду не попросишь?

Слово «награда» заставляет меня на миг заколебаться. Ведь я знаю столько историй и мифов, когда героя одаривали волшебные существа! Может быть, я все-таки не сошла с ума, а некоторые сказки основаны на реальных событиях? Говорящий кролик, нет, быть такого не может! Я изучаю сказки, а не попадаю в них.

Оглядываюсь, пытаюсь увидеть темнеющие силуэты палаток. Как не вовремя разрядился телефон. Но я могу наблюдать только светящийся песок под ногами, который становится чуть более блеклым по мере отдаления от места встречи с кроликом.

– Ты куда? – Пушистый зверек в несколько прыжков догоняет меня.

– В лагерь.

– А как же награда?

– Мне ничего не нужно.

– Так куда же ты идешь?

Я действительно с ним разговариваю. Веду диалог с кроликом! Но последний вопрос заставляет меня снова озираться по сторонам. Никакого палаточного лагеря. Нет ни силуэтов кустов, которые там напугали меня. Ничего. Только рас-

стилающиеся во все стороны плато с чуть светящимся песком.

– Освободи еще одного – и сможешь вернуться. – Кролик прыдет ушами и прикрывает один глаз, будто подмигивая мне.

Немного удивляюсь тому, что могу различать такие детали в темноте. Так ведь он светится! Этот маленький болтливый ушастик люминесцирует ярче песка. Этот незначительный факт почему-то становится решающим для осознания ситуации. Я все-таки попала в сказку. Наяву. Не в своем воображении. Я в сказке!

– Иди за мной! – пафосно восклицает зверек.

– Хорошо, – неожиданно для самой себя соглашаюсь. Алиса следовала за белым кроликом, а мне достался серый, но зато немного светящийся.

Едва успеваю за шустро прыгающим зверьком. Песок под ногами уже давно перестал переливаться, плато кончилось, и теперь я иду вверх по горному склону. Взошедшая луна указывает мне дорогу, шерстка кролика светится ярче, приобретая серебристый оттенок.

– Вход здесь. – Кролик присаживается на задние лапки, вытягивая передние влево. Я смотрю туда, куда указывают конечности зверька, но ничего особенного не вижу. Только веретенообразный булыжник в половину моего роста на склоне горы. Такие камни уже не раз попадались по дороге, они называются «вулканические бомбы» – комки выбро-

шенной лавы при извержении, застывшей в полете.

– Ты предлагаешь мне это сдвинуть?!

Так и знала, что вся эта затея со мной сумасшедшей в компании безумного кролика обречена на провал. Мне никогда не передвинуть этот булыжник!

– Человечество совсем поглупело за последние пятьсот лет или ты просто выдающийся представитель своего вида? Я разве говорил, что камень нужно двигать? – Кролик не упускает случая пройтись по поводу моего интеллекта.

Испытываю желание пнуть мелкую пушистую пакость. Слишком быстро что-то удивительное начинает раздражать.

– *Portas aperire, unique sanguine*¹. Значит, не «sanguine», а «liquor²»?

– Что ты там бормочешь? – интересуюсь у кролика, перешедшего вдруг на другой язык.

– Пророчество гласит, что меня и его может пробудить Избранный с помощью своей уникальной крови. Так что режь палец и прислоняй к камню.

– Но ты проснулся без моей крови! – Идея ранить себя ради какого-то ритуала мне не нравится. Я, действительно, не в себе: притащилась за светящимся кроликом на гору и спорю о том, каким образом это все случилось!

– Режь!

---

¹ *Portas aperire, unique sanguine* – Ворота откроет уникальная кровь (перевод с лат.).

² *Liquor* – кровь, жидкость (перевод с лат.).

Меня продолжают глотать сомнения.

– Ты сказал «liquor»? Я точно помню, ты это слово сказал, когда бормотал про пророчество! Это же означает «жидкость», да? Ты проснулся после того, как я на тебя... Ах-ха! Это же тоже телесная жидкость! Обожаю различные варианты толкований!

Кролик злобно на меня зыркает, а я плюю на булыжник. Ведь это тоже жидкость! Поверхность камня подергивается рябью, начинает светиться так же, как песок на плато.

– Иди туда!

Чувствую толчок. Высоко подпрыгнувший кролик бьет меня задними лапами в спину. А точнее немного пониже спины. Я вытягиваю вперед руки, ища опору, пальцы погружаются в булыжник, как в воду. Утонуть в камне! Какая нелепица.

Погружение длится долю секунды. Испугаться не успеваю. Лучше бы я была такой бесстрашной, когда мимо кустов пройти надо было! И не было бы никаких светящихся кроликов... и стеклянных лабиринтов. Стою в узком коридоре с прозрачными стенами, вдоль которых на полу расставлены горящие свечи. Через несколько шагов виден поворот, потом развилка, потом еще поворот, ходы множатся, извиваются, путаются, становятся едва различимы за толщиной стекла. Пламя свечей вздымается вверх, вспыхивает ярче, и вот я уже не вижу ветвящихся коридоров, стены стремительно теряют прозрачность, становясь зеркальными.

Мне здесь не нравится! Можно меня в другую сказку? Сзади такой же узкий коридор меж двух зеркал. Что я знаю о лабиринтах? Самый известный – критский, в котором жил Минотавр. О, нет! Что там этот человек-бык делал со своими пленницами? Есть два толкования легенды. Совокуплялся, а потом ел, или сперва ел, а потом совокуплялся с тем, что осталось. Не очень полезная и оптимистичная информация в моем случае. Но не стоять же здесь до скончания времен! Роюсь в карманах и оставляю на месте своего появления носовой платок – это будет точка моего отчета. Если бы знала про лабиринт, я бы камешков набрала! Или хотя бы хлебушка, как Ганс и Гретель.

Иду, скользя правой ладонью по гладкой поверхности, чтобы не пропустить поворот коридора. Неровный свет свечей вдоль стен играет со мной, удлиняя тени, искажая пространство. Я как будто танцую, взявшись за руки со своим зеркальным близнецом, вторая моя копия крадется слева. В какой-то момент меня становится слишком много, отражения бесконечно множатся, наслаиваются друг на друга, от этого кружится голова. На мгновение прикрываю глаза, не в силах больше смотреть на эту круговерть.

– Кто ты?

Вопрос гремит отовсюду, звук эхом прокатывается по коридорам. Я не знаю, что ответить. Человек? Арина Воробьева? Вряд ли мое имя имеет значение, никакая я не Избранная из пророчества, что бы ни говорил светящийся кролик.

– А ты кто?

– Я первый спросил. – Явно мужской голос стал тише, перестал отражаться от стен лабиринта.

– Это тебя я должна разбудить?

– Освободить. Я не сплю.

– Ну вот, сам знаешь, а меня спрашиваешь. Сможешь рассказать, что надо делать?

В ответ слышится шуршание, грохот, нечленораздельное ругательство.

– Я не могу выйти, ты должна прийти ко мне.

Тоже мне, «должна»! Делаю несколько шагов, поворачиваю направо, еще несколько шагов.

– Ты уверена, что верно идешь? Сейчас ты отдаляешься от центра, – комментирует мой невидимый собеседник.

– Так ты знаешь дорогу? Вот на этой развилке налево-направо? Горячо-холодно?

– Я могу только ощущать, ближе ты или дальше.

– Не очень полезно для лабиринта.

– Ищи сама, раз такая умная!

Ну вот, и этот взялся оценивать мой интеллект! Почему бы не сказать что-то приятное о моей внешности? В легендах почти все героини прекрасны. Бросаю взгляд на зеркало – оно привычно показывает отражение самой обыкновенной девушки. Не принцесса, явно не принцесса.

– А ты все дальше от меня уходишь, – произносит мой невидимый собеседник спустя несколько минут.

– У меня есть стратегия, и я ее придерживаюсь!

Еще два поворота, и я упираюсь в тупик. Возвращаться к начальной точке? Сажусь прямо на пол, поверхность каменная и шершавая, но не холодная. Думаю. Хочется пить и попасть домой. Это мечтать о приключениях интересно, читать о них, а вот участвовать – как-то не очень.

– Эй, как тебя там! А лабиринт большой? – Кажется, этот вопрос надо было задать раньше. Похоже, прав был светящийся кролик в своих нелестных отзывах о моих умственных способностях. То, что я могу спокойно разговаривать с кем-то находящимся в его центре, не означает, что до него рукой подать.

– А как же твоя стратегия? – Голос звучит так вкрадчиво, будто он собирается нашептывать мне на ушко непристойности.

Молчу, потому как помощи от этого невидимого собеседника как от козла молока. Сам не знает секрет лабиринта, хоть и просидел тут несколько веков. Как там кролик обмолвился... «пятьсот лет»? Решаю вернуться на исходную точку, делая повороты налево. А вот и платок, который я оставила. Продолжаю двигаться вдоль стены.

– Ты уже так близко, детка, давай, уже почти дошла! – В голосе явное нетерпение. Я не успеваю возмутиться по поводу «детки», как обнаруживаю более насущную проблему. Тупик. Стучу по зеркалу, загораживающему проход, мелодичный звук разносится по всему лабиринту, но больше

никакого результата. Может, попробовать разбить? Пинаю стекло носком ботинка. Немного больно, но опять безрезультатно. Только звон и сдавленный голос моего невидимого собеседника:

– Не делай так! Мне больно...

Возвращаюсь обратно. Надо подумать. Что, если использовать элементы одежды в качестве «меток»? Может не хватить. Рвать ткань?

– Как Децимус³ тебя нашел? – отвлекает меня от размышлений о стратегии покорения лабиринта вопрос невидимого.

– Децимус? Кто это? Это ты о кролике? Это я его нашла, случайно.

– С... Случайно? – Собеседник мой запинаясь, а потом продолжает с явным сомнением: – То есть тебя не нашел Децимус, и ты сама не проводила никаких специальных ритуалов?

Вкратце рассказываю о том, каким образом очутилась здесь. Голос молчит, почему-то мне кажется, что потрясенно. Сажусь опять на пол, это блуждание туда-сюда очень утомляет. Вытягиваю ноги, еще раз внимательно смотрю по сторонам. Что-то я упустила. Мой взгляд падает на потолок. Линия! Прямо вверху надо мной начинается линия, которая, изгибаясь, ныряет в один из проходов. Так просто? Неужели загадка лабиринта настолько примитивна?

Иду, поглядывая вверх, и через двенадцать поворотов

---

³ Децимус – русская транскрипция латинского слова "Decimus" – десятый.

оказываюсь в небольшой круглой зеркальной комнате. В центре на возвышении стоит каменный трон. Никого и ничего больше. Только мои отражения, выстроившиеся в хоро-вод.

– Ты здесь?

– Да.

– Где? – Иду по кругу, пытаюсь обнаружить собеседника. Может, он и правда невидимый? Краем глаза замечаю какое-то шевеление на сиденье трона. Маленькая, тускло светящаяся зеленая змейка, не длиннее пятнадцати сантиметров, стоит на хвосте и смотрит на меня, как будто желая за-гипнотизировать. Осторожно приближаюсь.

– Это ты? Змея? Надеюсь, не ядовитая?

– Я змей! – Пафоса у этой животины еще больше, чем у кролика.

– А я так надеялась, что спасаю прекрасного принца. По голосу сложно догадаться, что ты такой... длинный.

Змейка ползет ко мне, перетекает на неосторожно выставленную вперед руку, обвивается вокруг запястья. Я чувствую, что рептилия дрожит.

– Холодно? Только не проси тебя на груди пригреть!

Не успеваю договорить, как трон и комната, подернувшись дымкой, исчезают. А я опять стою у веретенообразного камня.

– Скажи свое желание, смертная! – На меня снова выливается тонна пафоса, а потом змейка начинает постепенно

блекнуть, как будто ее свечение покрывает патиной: – Говори сейчас, или не получишь ничего, потому что не знаешь моего имени!

– «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» – Фраза помимо воли слетает с моего языка.

– Ты забыла сказать «желаю», – ухмыляется змей перед тем, как исчезнуть.

Я никому ничего не рассказала. Попыталась забыть произошедшее как сон. После возвращения в Москву Эдуард Михайлович отправил меня в отпуск. Принудительно. А теперь оказалось, что в доме моей пробабушки обитает домовой. И вместе вызванного мною кролика посреди комнаты появился голый мокрый парень с ключьями пены в волосах.

Глава 3. Даймоний

Наверное, я должна смутиться, отвести глаза, покраснеть. Но я не делаю ни первого, ни второго, ни третьего, наоборот, внимательно разглядываю появившегося в центре пентаграммы. Пришелец выглядит очень молодым, даже юным. Подросток, уже почти готовый стать взрослым, но сохраняющий присущую переходному возрасту угловатость в движениях. Длинные темные волосы мокрыми спиральками спускаются до плеч, пена с них сползает к тонким ключицам, течет по худому телу. В нем нет ничего необычного, он выглядит вполне человеком, только цвет глаз – желтый, как у хищного животного. Это тот Децимус, который мне нужен?

Он так же внимательно разглядывает меня в ответ, настороженность во взгляде исчезает, сменяясь насмешкой и... вожделением? Как-то слишком жадно он на меня смотрит, того и гляди облизываться начнет! Надо, наверное, ему полотенце дать, вытереться и прикрыться. А то обвинят меня потом в растлении демонических малолетних! Раздается хлопок, и в центре нацарапанных ножом линий появляется кролик. Серенькое округлое тело, вытянутые овальные уши, черные бусины глаз. Очень похож на того зверька, что встретился мне на вулканическом плато, вот только размером с взрослую овчарку. Откормился-то как за две недели! Что-то мне страшно. Зубки у него совсем не как у травоядного. А

если прыгнет?

– Ну и что тебе нужно? – недружелюбно бурчит кролик, смахивая лапами остатки пены с ушей.

– Ты мне должен. Я хочу загадать желание.

Кролик моргает, теперь его глаза отливают желтым. Он выжидающе смотрит на меня хищным взглядом и все-таки облизывается. Он что, тоже хочет меня съесть, но не может из-за пентаграммы? Почему тогда они не слопали меня после освобождения? Наверное, пока не загадаю желание, я в безопасности. Надо перечитать договор, который я написала. Особенно пункт о «непричинении вреда после исполнения обязательств». Я беру два заполненных листа со стола. Почти два часа сочиняла и выверяла формулировки! Пробегаюсь глазами. Фух, ничего не забыла!

– Децимус! Я, Арина Александровна Воробьева с одной стороны, именуемая в дальнейшем Избранная, и Децимус, известный также как Десятый или Кролик с другой стороны, именуемый в дальнейшем Демон, заключили договор о нижеследующем.

Я читаю, читаю, а глаза зверька в пентаграмме становятся все больше и больше. Перечисляю все, что смогла придумать, стараясь не оставить ни одной лазейки или неверного трактования слов. Демон должен меня защищать – добровольно и старательно – не причинять вреда своим действием или бездействием, не может говорить никому другому сведения, которые могут причинить мне вред, и так далее и то-

му подобное.

– Желаю! – произношу после чтения всего текста договора.

В лапах кролика появляется развернутый свиток, по которому быстро скользят золотые буквы. Они добегают до конца свитка, некоторое время мигают, а потом исчезают.

– Превышен лимит слов формулировки желания. Попробуйте загадать желание еще раз, – раздается нейтральный голос, и свиток исчезает, осыпавшись серой пылью на пол.

– Первый раз такое, – бормочет Децимус, косясь на кучку серого вещества перед своими лапами. Пыль несколько секунд мерцает, а потом тоже исчезает. Кролик валится на спину, дрыгая задними лапами и прядя ушами. Ему плохо? Ах ты ж, этот гад демонический смеется надо мной!

– Тупая ослица! Ах-ха! «С одной стороны, с другой стороны». Выкусила? – Зверек бьется в конвульсиях, молотит всеми лапами в воздухе, катается с боку на бок. Мне кажется, что в этом веселье Децимуса есть большая доля облегчения. Он боялся, что ему придется в точности исполнять мой договор! Что это вообще за демонический твиттер такой с ограничением на количество символов? Сколько можно слов сказать, формулируя желание?

Следующий час я переписываю договор, вмещая текст на одну страницу. Кролик молча сидит в центре пентаграммы, положив уши вдоль спины, прикрыв глаза, всеми силами изображая покорность судьбе и скуку. Зачитываю новый до-

говор. Золотые буквы бегут по полотну свитка, мигают, и лист опять осыпается серой пылью. Чтоб тебя!

Надеюсь, хоть количество попыток не ограничено! От этой мысли меня бросает в жар. В сказках чаще всего все завязано на цифре три! Неужели у меня остался последний шанс?

– Децимус, – начинаю без особой надежды на сотрудничество.

– Чего тебе, тупая ослица? – Демон явно не горит желанием мне помогать.

– Мое имя Арина.

Кролик не отвечает, только приподнимает одно ухо и выжидающе смотрит на меня. Похоже, ему не нравится сидеть в центре пентаграммы и ждать, пока я тут желание формулирую. Попробую его задобрить.

– Хочешь, я тебе морковку принесу?

– Мяса лучше принеси! Свежего, с кровью.

Так я и думала! Он плотоядный. Но у меня нет никакого мяса. Его негде хранить, так что я вынуждена блюсти пост до похода в магазин.

– Если сможешь, я тебя покормлю, – обещаю, не уточняя детали. Не все же демонам хитрить!

– Я не знаю допустимые размеры и емкость свитка, – отвечает Децимус на незаданный вопрос. А он умный! А я, похоже, не очень, потому что не знаю, как еще переформулировать мое пожелание.

– Арина, ты еще долго думать будешь? Вызови меня, когда будет что пожелать. – Кролик потягивается, разминая лапы, демонстрируя, как ему надоело сидеть в центре пентаграммы. Даже тупой ослицей больше меня не называет. Подозрительно. Отпущу его, а он найдет способ защититься от моего призыва. Нет уж, пусть сидит.

Иду на кухню, нахожу единственное яблоко и ставлю его в микроволновку с ложкой меда в вычищенной сердцевине. После завершающего писка прибора чур появляется из-за печки, даже звать не пришлось. Домовой раздувает ноздри, вдыхая сладкий аромат печеного фрукта.

– Угощайтесь, дедушка. – Я протягиваю человечку исходящее горячим паром яблоко. В этот раз он не прячется обратно за печь, чтобы съесть подношение, а одним неуловимо быстрым движением отправляет плод целиком в рот. Жует с чрезвычайно довольным видом, раздувая щеки. Облизывается, смотрит по сторонам. Похоже, одного яблока ему мало. А у меня больше не осталось, я только завтра собиралась сходить в магазин и прикупить продуктов. Кто же знал, что появится прожорливый домовый и демон, требующий мяса!

– Излагай, потомок, – усмехается чур, видя мою растерянность. Я рассказываю ему об осыпающихся в пепел свитках, показываю свой договор. Домовой ухватывает листы маленькими волосатыми лапками, пробегается глазами по тексту. Надо же, он читать умеет!

– Я еще и вышивать могу, и детей укачивать. – Домовой

опять усмехается в бороду, как будто угадав мои мысли, и протягивает договор обратно.

– Дедушка чур, помоги кратко сформулировать желание!

– Яблок не хватит, жертва мне нужна. – Домовой широко улыбается, демонстрируя острые зубы. Опять вижу в его глазах жадный блеск. Кажется, он крови моей хочет! Ой, мамочки!

– Чур! Дедушка чур! Чур меня! – На мгновение мне мерещится, что старичок горбится и превращается в лохматого зверька, который вылизывал половицы кухни.

– Шумная какая! Сказал же – не съем. Потомок ты мой, к сожалению. – Домовой поправляет красный пояс и объясняет: – Отдашь то, что тебе дорого, получишь то, что тебе нужно. Понятно иль не зря Десятый тебя тупой ослицей кличет?

Не очень понятно, если честно, но я не решаюсь расспрашивать дальше. Киваю, прохожу в спальню мимо пентаграммы. Кролик изображает, что спит, но я спиной чувствую его взгляд. Перебираю свои вещи. Что мне из этого дорого? Что я могу отдать за совет чура? Одежда, немного косметики и украшений, ноутбук, книги, мои заметки. Открываю блокнот. Ительменская сказка, которую я записала, но не успела показать научному руководителю. Это мой самый главный аргумент в предстоящем споре за проект, если я решусь конфликтовать с Эдуардом Михайловичем, отстаивая свои интересы.

«Это я-то болтаю?! – вострепелась сорока. – Неправда!

Это всё куропаткины сплетни! Уж я-то её знаю! Сама видела: ночью куропатка из гнезда в тундру летала. Где это видано, чтобы порядочная птица...»

Помимо воли улыбаюсь, читая сказку «Почему у сороки длинный хвост», а потом вздыхаю и решительно направляюсь на кухню с блокнотом в руке.

– Вот, дедушка чур, это мне дорого, – протягиваю записи, но домовый не берет.

– Растопи печку и в огонь кинь, приговаривая, что подношение для пращура Тихона Пановича, – задает мне почти невыполнимую задачу чур. Эту печку еще топить можно? Я микроволновкой и плитой обходилась до настоящего момента. Но делать нечего. Поленицу я нахожу в сарае, долго мучаюсь, раскалывая несколько чурбаков на дрова. На руках тут же появляются мозоли. Складываю дрова в жерло печи, подсовываю под них листы неудавшегося варианта договора. Пламя занимается на удивление быстро, дерево начинает потрескивать.

– Заслонку вон ту открой, последыш, а то на тебе род и прервется, – высовывается чур из-за печки, довольно жмурясь и ласково трогая теплеющую кладку. Я отодвигаю заслонку, и огонь начинает пылать еще ярче, охватывая все полешки. Топчусь рядом с пламенем и побелевшими от напряжения пальцами сжимаю блокнот, не решаясь кинуть записи в печь. Откуда-то поднимается уверенность, что после того, как бумага сгорит, я и слова не смогу вспомнить из этой сказ-

ки. И даже если бы я предварительно скопировала запись в другой блокнот или на ноутбук, это бы не помогло. Я просто знаю. Это у меня так дар Избранной проявляется или просто крыша едет от всех этих страшных сказок?

– Для пращура моего Тихона Пановича подношение. Да пребудет с тобой сила! Чур меня! – Импровизирую, так как точных инструкций, что говорить, не было. Кидаю блокнот в огонь резким движением, не давая себе времени передумать. Страницы записной книжки раскрываются, пламя несколько секунд пляшет на них, а потом гаснет, оставляя после себя черные скукоженные листы. Вздыхаю. Прощай, кандидатская по ительменским преданиям!

Когда все дрова прогорают, превратившись в угли, чур показывается из-за печки. Я отшатываюсь от неожиданности. Накатывает волна страха. Домовой вырос! Глаза горят ярко-зеленым огнем, густые черные волосы топорщатся во все стороны. Борода потемнела, струится шелковой волной до пояса. Когти на руках отливают сталью, рот растянут в лягушачьей улыбке с частоколом острейших зубов. Он неумолимо приближается.

– Чур меня! Чур!

– Что же ты так орешь? Пугливая какая! – ворчит домовой. Он по-кошачьи втягивает когти, моргает. Голодный блеск в глазах пропадает. Чур поправляет подол рубахи, который сейчас ему еле до колен доходит, и интересуется: — Я попрос чуть-чуть. Теперь срамота получается, а не одежда.

Чуть-чуть! Это называется чуть-чуть! Он же мне теперь до пояса достает, а был по колено.

Пращур вещает, прохаживаясь туда-сюда мимо печки и поправляя подол, который так и норовит задраться, показав волосатый зад. Хвост. У него есть хвост даже в «человеческом» обличье. Чему я так удивляюсь?

– Десятый тебе не защитник, молодой еще. Он, конечно, может отбиться от слабой нечисти. Но за тобой скоро кто сильнее охоту начнет. Новости расходятся быстро. Поищут тебя на месте бывшего узилища демонов, не найдут. В округе поищут, а потом смекалистые все поймут. Найдут и съедят. Ох, последыш, оглянуться не успеешь, как схарчат! Может, мне разрешишь, а? С разрешением и я смогу! Ну что тебе, жалко? Уж лучше так, по-родственному. Что ж добру зазря пропадать!

Домовой выжидательно на меня смотрит и облизывается. Тоже мне «дедушка»! Чтоб тебе мои косточки поперек горла встали!

– Чур, подавай то, что мне нужно! – говорю излишне резко. Ну не нравятся мне разговоры о поедании меня! К моему удивлению, домовой не обижается, а даже одобрительно кивает и усмехается в бороду.

– Сделай Кролика своим даймонием⁴. Это как советник,

---

⁴ Даймоний (греч. δαιμονιον – «божественное») в философии Сократа – философское понятие, означающее внутренний голос, который в решающий момент предостерегает и таким образом удерживает от предприятия, в котором сокрыта опасность для телесного или морального благополучия.

но который не может дурного присоветовать. Это слово не извратить, не перетолковать. Только обязательно срок определи, чтобы лазейки не оставить.

– Будь моим даймонием, пока я Избранная? Подойдет?

– Иди, желай быстрее, а то твой уже почти из пентаграммы убег, потом звать замучаешься.

Бегу со всех ног в гостиную. Доски, на которых начерчена звезда, выглядят так, будто их бешеный жучок-короед погрыз – того и гляди в труху осыпятся.

– Децимус, будь моим даймонием, пока я Избранной являюсь. Желаю!

Золотые буквы бегут по свитку. Фух, не рассыпался! Бумага сворачивается в трубочку, на ней появляется красная печать. Звук далекого гонга. Свиток растворяется в воздухе.

– Что это так звякнуло?

«Звук гонга означает заключение сделки». Ой, это, кажется, не моя мысль! «Ага, это я на твой вопрос ответил». Кролик внимательно смотрит мне в глаза, а потом подточенные доски не выдерживают, и он летит в подвал.

Я забираюсь в подпол из кухни, нахожу демонического зверя под обломками досок. Децимус ругается, пытаюсь выбраться из-под завала.

– Я лапу сломал! Из-за тебя, тупая ослица, я теперь хромым буду! – причитает он, пока я пытаюсь его вытащить.

– Ты идти можешь?

– Я ничего не могу! Я охромел и стал даймонием смерт-

ной! За что мне это все?!

Пытаюсь приподнять кролика. Тяжелый, зараза! Как бы его поудобнее ухватить?

– Ухи не трожь! – верещит Децимус, видя, что я примериваюсь к этим таким удобным «ручкам». После двухминутной возни подхватываю зверя под брюшко и тащу наверх. Спотыкаюсь на лестнице, почти роняю свою ношу. Зверь в моих руках начинает съеживаться, становясь нормального кроличьего размера, а не монстром-переростком.

– Раньше так не мог? – возмущаюсь я, легко выбираясь из подвала.

– Не люблю быть маленьким, – бурчит звереныш, зажмуриваясь. Он такой умильный сейчас, что я, не задумываясь, провожу рукой по его голове и ушам. Мягкий какой!

– Какая лапка болит? – спрашиваю, укладывая кролика на кровать, опять непроизвольно погладив по спинке. Какой же он приятный! Ох, Арина, ты, кажется, забыла, что он один из двенадцати каких-то страшных демонов. Чур хоть и сказал, что Децимус молодой и слабый, но все равно он демон и был наказан за какое-то ужасное преступление! В общем, прекращай его гладить! «Продолжай, продолжай, а теперь вот тут еще. Да не здесь, тупая ослица!» – появляется в моей голове возмущенная мысль. Ох ты ж! Он что, теперь мои мысли читать может? Зря я настолько домовому доверилась. Надо было больше узнать об этих даймониях. Как-то подозрительно звучит!

– Вот эта болит. Из-за тебя сломал! – Кролик перекатывается на спину и тянет вверх одну из задних конечностей. Я аккуратно прощупываю лапу.

– Да тут максимум растяжение!

– Много ты знаешь о демонической физиологии!

– Децимус, я во всю эту историю из-за тебя попала. И у нас теперь договор. Можем мы обойтись без ругани? И скажи, ты мои мысли читаешь?

– Нет, только свои передаю. Я ж теперь даймоний. – Последнее слово кролик словно выплевывает, а потом добавляет: – Но ты можешь целенаправленно подумать, и я услышу вопрос и отвечу. Я ж теперь даймоний!

– О, у меня теперь собственный демонический гугл, что ли? Удобно!

– О чем ты говоришь?

– Ты еще не познакомился с достижением технического прогресса?

– Не успел, другие дела были. Хотя горячая вода по трубам и маленькая комнатка с унитазом – очень комфортно.

– Демоны какают? – брякаю, не подумав. Как-то я представляла их такими эфемерными созданиями, почти духами. Кролик косит на меня недобрый взглядом. «И едят, и трахаются. Хочешь проверить?» – вклинивается в мое сознание Децимус.

– Тьфу на тебя! Мал еще! И прекрати так делать, пока не возникнет необходимости.

«Как – так?» – раздается в моей голове. Он, похоже, не собирается затыкаться.

– Я тебе сейчас еще одну лапу сломаю!

– Слышал, тебе защитник нужен, – переводит тему кролик, но говорит теперь вслух: – Ты ж у нас сейчас самая вкусная булочка! Так бы и понадкусывал.

– Ты ж теперь даймоний, тебе нельзя, – повторяю я его же слова, надеясь, что ему действительно теперь не по статусу мною закусывать.

– Давай уже Двенадцатого вызывать, защитника тебе делать будем. Не одному же мне с тобой мучаться!

Осторожно пробираюсь за ножом, который оставила в гостиной. Надо будет что-то с этой дырой придумать, а то мама меня убьет раньше всей нечисти! Пентаграмму я черчу на полу в спальне. Читаю стишок, вопросительно смотрю на кролика.

– Позови его по имени. Дуодецимус или Ангус⁵, – подсказывает новоиспеченный советчик.

– Явись ко мне, Ангус!

В центре пентаграммы появляется обнаженный мужчина с ключьями пены в мокрых волосах. Они что, сговорились?!

---

⁵ Дуодецимус и Ангус – русская транскрипция латинского слова «duodecimus» – двенадцатый и «anguis» – змей.

Глава 4. Демон-ангел, какая в беду разница!

– Я ангел! Честно!

– А рога?

– Ну, нимб поддерживать...

© народное творчество

Похоже, вся нечисть в этом мире очень стремится стать «чистой». Как иначе объяснить эти явления в мокром виде? Они что, постоянно там ванны принимают? Хотя такие длинные волосы наверняка требуют особого ухода и заботы.

– Лепус⁶, чтоб у тебя весь мех облез! Это ты ей мое имя сказал?! – Явившийся демон совершенно не обращает на меня внимания, будто кроме него и кролика в этой комнате больше нет никого. А это моя пентаграмма, и я его вызвала! Сейчас как загадаю, будет мне пятки чесать до скончания века. Кролик невнятно огрызается в ответ, а у меня есть возможность рассмотреть пришельца. Черные волосы, длиннее, чем у Децимуса, мокрыми змейками струятся по плечам. Мужчина, стоящий в центре комнаты, высокий, примерно такого же роста, как первый демон, но телосложение отнюдь не подростковое. Широкие, но не слишком массивные плечи, поджарый живот, длинные стройные ноги. Во

---

⁶ Лепус – русская транскрипция латинского слова Lepus – «кролик».

всем его теле чувствуется гибкость и сила. Карие глаза в обрамлении густых черных ресниц такие выразительные, что кажутся подведенными. Утонуть можно. Вот же шь! Я все-таки тогда из лабиринта «прекрасного принца» освободила.

– Ты это... Будешь в змейку превращаться, или тебе полотенце принести? – влезаю я в вяло продолжающееся переругивание демонов. Взгляд карих глаз призванного впивается в меня, а затем лицо Ангуса расплывается в хитро-обаятельной улыбке.

– Как захочешь, детка, я не стеснительный. А лучше открой пентаграмму, пообщаемся поближе. – Его голос такой мягкий и обволакивающий, соблазняющий, что у меня тут же появляется желание сделать так, как он говорит. Наваждение какое-то! Трясу головой, стараясь прийти в себя.

– Ты мне должен одно желание.

– Я готов исполнить все твои желания, крошка. – Ангус ненавязчиво так ведет рукой по своей груди и животу, делая вид, что стирает текущую пену. Непроизвольно сглатываю слюну. Вот же змей-искуситель! Что я, голых мужчин не видела? Ну, красив, с этим, да, не поспоришь. И эти капельки воды, стекающие по коже... Но это ж не повод плавиться, как кусочек масла на раскаленной сковороде. Это какие-то чары?

– Лапус, он на меня воздействует? – Оборачиваюсь к кролику.

– Я Лепус! – возмущается животное, развалившееся на

моей кровати. Вы когда-нибудь видели кролика, лежащего в пошлой позе? Я вот тоже нет, но этот десятый демон каким-то образом умудряется так валяться. Лапы раскинул, косит на меня масляным взглядом. Тьфу! Они точно сговорились! Но, несмотря ни на что, свои обязанности даймония кролик выполняет исправно, подтверждая мои догадки: – Ага, братец своей харизмой на тебя давит. Он такой. Искусительный.

Кролик хихикает, а я перевожу взгляд на Ангуса. Тот стоит, откидывает мокрые пряди с лица и ничуть не смущается, что его поймали на горячем.

– Как этому противостоять? – поспешно задаю следующий вопрос, с усилием отводя взгляд от обнаженного мужчины. А ведь в моем первоначальном договоре не было пункта «не соблазни нанимателя твоего». Вот же демоны! Всего не предусмотреть.

– Он не властен, если сама не захочешь поддаться, – отвечает кролик, а потом разводит лапами и тихо шепчет почти себе под нос: – Ангус, не надо убивать меня взглядом. Я даймоний. Должен понимать, что это такое!

Мужчина в пентаграмме хмурится и ругается сквозь зубы. А потом раздается хлопок, и вот уже на полу, свернувшись в несколько колец, лежит зеленая пятнистая змея. Где моя маленькая змейка не длиннее окружности запястья? Верните ее обратно! Второй демон тоже значительно подрос, увеличившись как минимум на десять метров. Я вспоминаю измене-

ние размеров домового после подношения. Величина нечисти зависит от силы или энергии?

– Загадывай, чего ждешь, – недружелюбно бросает змей. А что говорить? Надо было сперва формулировку подготовить, а потом вызывать. Поторопилась. Главное, чтобы еще одной непредусмотренной дырки в полу не образовалось.

– Веди себя хорошо! – говорю я змею, подхватывая кролика под брюшко и утаскивая его на кухню.

– Тупая ослица, он все равно нас будет слышать, – комментирует посаженный на стол Децимус.

– Но зато я его не буду видеть. Я поняла, что рептилии мне очень не нравятся. Бр-р! Длинный, холодный. Как мой даймоний, сформулируй, пожалуйста, что мне загадать. Пока я избранная жертва и лакомство для всей нечисти, мне нужен защитник. Задача понятна?

– Нужно подумать... – задумчиво протягивает кролик и замирает, как будто уснул с открытыми глазами. Я решаю его не тревожить: пусть думает. Нахожу в шкафу овсяное печенье, наливаю молока в стакан. Я ведь так и не поела со всеми этими потусторонними проблемами. Остатки молока наливаю в миску, крошу туда одну печенюшку и ставлю на пол за печку. Чавканье раздается почти сразу же. Интересно, чуршил себе новую одежду?

– Попроси его стать твоим а-н-гу-ом-хо-о-ни-том-ом, – раздается голос Децимуса, когда я уже делаю последний глоток.

– Кем-кем? – поворачиваюсь к демону, а этот мелкий пушистый гад жует мой недорезанный салат.

Я вижу, как кусочек огурца с темнеющей капелькой засохшей крови исчезает в пасти зверька, а кролик даже глаза от наслаждения прикрывает и урчит:

– Сладко, м-м-м! Ом-ном-ном! Мрр-ом-ном!

– Ты же мой даймоний! Ты не можешь моей кровью питаться! – ошарашенно, с опасением смотрю на зверька. А если он сейчас мне в глотку вцепится? Кролик поспешно дожевывает, проглатывает.

– Сам я тебе причинить вред не могу, но что упало, то пропало! Какая же у тебя кровь вкусная! Ариночка, может, накапаешь мне еще чуть-чуть? Я хороший, советы даю! И очень голодный. Мне так нужна сила... – Он смотрит на меня большими, влажными черными глазами, такими умоляющими и умильными, что я начинаю раздумывать: а не согласиться ли? Действительно, уколоть палец, накормить бедного зверька. Что мне, жалко? Вот же шь! И у этого тоже харизма!

– Прекрати на меня воздействовать! Лучше скажи понятно, кем Ангус должен стать.

– Ангелом-хранителем, – отвечает кролик, почесывая лапой под подбородком. Именно той, которая у него «большая». Притворщик!

Из спальни доносится сдавленное ругательство и ритмичный стук. Кажется, этот змей решил об пол головой побить-

ся. У рептилий бывает сотрясение мозга? Возвращаюсь в комнату. Змей свернулся чуть ли не в узел, лежит, прикрыв желтые глаза с вертикальными зрачками.

– Ангус, будь моим ангелом-хранителем, пока я не отпущу тебя. Желаю!

Все повторяется. Появившийся в центре змеиных колец свиток быстро заполняется буквами, сворачивается, запечатывается красным сургучом и с легким хлопком исчезает после звука гонга. Ой, что это у меня в руке? Тонкая, светящаяся нить тянется от моих сжатых пальцев к змеиному горлу, переходя в изящный ошейник. Через мгновение нить исчезает, но украшение на змее остается. При договоре с кроликом такого не появлялось. Что это означает? Я перебираю в памяти все предания, связанные со змеями и украшениями. Кольцо на хвосте, корона на голове. А про ошейник никаких сказок нет.

– Теперь я открою.

Скребу ножом одну из линий пентаграммы, нарушая целостность фигуры. Змей подскакивает, как распрямившаяся после сильного сжатия пружина. Налетает на меня, валит с ног, обвивает своими кольцами. Хорошо хоть, что падаем мы на кровать, а не на пол. Его чешуя гладкая и неожиданно теплая. Кролик перехитрил меня? «Ангел-хранитель» означает не то, о чем я подумала? Он меня сейчас задушит? Тело рептилии сжимается все сильнее.

– Вот в таком положении буду тебя охранять. Не хочешь?

Тогда отпусти меня.

– Ангел-хранитель не может задушить своего подопечного, – говорю с уверенностью, которой совершенно не ощущаю. Почему я сказала «отпустить», а не «пока я избранная»? Ведь знаю же, что жадность в сказках всегда наказуема. Лежу, опутанная змеем с ног до головы, ощущаю себя Евой, обманутой коварным ползучим гадом. И даже яблочка мне не досталось: домовый съел. Где справедливость? В кольцах змея неожиданно уютно и спокойно. Я так устала! Всю ночь не спала из-за этих пентаграмм. Незаметно для себя погружаюсь в сон.

***

После пробуждения обнаруживаю себя в положении, которое мама бы точно не одобрила. Слева от меня лежит голый мужик. Это зрелище моя родительница как-нибудь бы перенесла: все-таки я девочка взрослая. Но справа еще одно голое тело! Оба демона уткнулись в мои разметавшиеся по подушке волосы, разложили на меня свои длинные конечности и спят. Больше всего это напоминает кучу котят в корзинке, а я у них вместо подушечки с валерьянкой.

– Лапус, вы что, одежды себе наколдовать не можете? Как вы меня спасать будете с такими куцыми способностями? – толкаю в плечо молодого демона. Децимус открывает невообразимо желтые глаза, несколько секунд расфокусированно моргает.

– Булочка моя, я Лепус, можно уже запомнить? – бормо-

чет так и не проснувшийся до конца демон, придвигаясь еще ближе и зарываясь носом в мои волосы за ухом. И так нежно это у него получается, что я даже поверить не могу, что он тот самый хамоватый кролик. Вот может быть милым котенком, когда захочет. Чувствую прилив умиления и желание погладить Децимуса по волосам. Вот же шь! Это опять его харизма. Хватит меня нюхать! Отпихиваю мальчика-зайчика и понимаю, что из-за всей этой возни как-то слишком тесно прижимаюсь к Ангусу. К демону, в арсенале которого отнюдь не мимимишечки, а кое-что посерьезнее.

– С добрым утром, детка, – завораживающий голос над моим ухом. Проснулся, гад ползучий. Так, не смотреть, главное, на него сейчас не смотреть. Я и так знаю, что он умопомрачительно красив и сексуален, просто мечта всех женщин от шестнадцати до восьмидесяти. Ловкие пальцы Ангуса пробегают по моей руке, поглаживают, задевают рукав футболки. Чуть щекотно и приятно до мурашек.

– Цыц! – Кажется, я говорю это самой себе, а не демонам. Сажусь на кровати, смотрю на двух моих «подчиненных», глядящих на меня в ответ невинными глазами нашкодивших детей.

– Тебе что-то не нравится? Ты всегда можешь меня отпустить, – затевает прежнюю песню ангел-хранитель.

– Брат, мы договорились! Мой контракт – пока она избранная! – возмущенно восклицает Децимус, он же Лепус.

– Я ее съем, и она уже не будет избранной, – клыкасто

улыбается Ангус.

– Как твой даймоний, я тебе настоятельно не рекомендую освобождать от контракта Доудецимуса! – пафосно восклицает мой советчик, а потом добавляет: – Мне же срок потом впаяют... опять.

Демоны начинают переругиваться, припоминать какие-то старые обиды, вспоминать, кто кого подставил. На меня обрушивается целая лавина имен, дат, цепочек, кто кому чего должен.

– Лапус, мне нужна информация. Могу ли я вас вызывать в случае необходимости или должна все время держать при себе? – специально искажаю имя. Это забавно звучит. Должна же быть во всей этой ситуации хоть одна веселая сторона.

– Я Лепус, тупая ослица! Один из Двенадцати, звено цепи, на которой держится мир. Великий Децимус, мудрость которого достигает неба и стремится выше! Как ты вообще смогла меня вызвать с такой дырявой памятью?! – патетически вещает юный демон, закатив глаза, но потом удосуживается озвучить ответ на мой вопрос: – Позовешь по имени – появимся. Захочешь отослать – говоришь имя и добавляешь «сгинь».

– Ангус, сгинь!

Успеваю поймать удивление в огненных глазах Двенадцатого. Демон исчезает с легким хлопком, а Децимус хитро улыбается.

– Так и знал, что ты меня выберешь. Иди ко мне, моя слад-

кая булочка!

И ручки свои ко мне тянет, извращенец малолетний!

– Мне информация нужна, – повторяю терпеливо. Лепус обиженно надувает губы – ребенку не дали конфетку! А потом раздается легкий хлопок. Маленький пушистый кролик в два скачка оказывается у меня на коленях, подставляет голову и длинные уши под ладонь. Глажу, чего уж там. Какой у него мех приятный!

– Окей, Децимус, кто такие избранные? Как ими становятся?

– Обычно это случайность. Люди иногда пересекают границы тонкого мира, порой даже этого не замечая и не взаимодействуя. Это как оказаться в облаке – можно увидеть туман вокруг себя, но нельзя потрогать. Отсюда истоки почти всех ваших легенд и сказок – кто-то что-то увидел, услышал. А вот если человек окажется по ту сторону и одновременно в точке сосредоточения сил, то он может повлиять на события моего мира. И тогда этот человек сам становится границей, своеобразной дверью между мирами, силой. Это нечасто происходит, раз в пару-тройку столетий. Хотя вот однажды два избранных появились одновременно. Парочка влюбленных оказалась в месте двойного узла сил. Это, кстати, один из редких случаев, когда их никто не съел. Я не знаю, что там точно случилось, но они умерли раньше, чем завершилась инициация. Девушка, кажется, отравилась, а парень зарезался, или наоборот. Непримируемая семейная

вражда.

Случайность. Так сложились обстоятельства. С тем же успехом мне на голову мог бы свалиться кирпич. Хотя нет, кирпичи падают чуть чаще, чем раз в несколько столетий.

– То есть Избранных или съедают, или они сами погибают? Других вариантов нет? – уточняю и так понятные факты.

– Ага, все верно понимаешь, сладкая булочка. – Кролик подставляет под мою ласку бок, жмуря глаза.

– Окей, Децимус. Насколько долго живут после «Избранничества»?

– Максимум два месяца. Первый лунный цикл – это инициация, пока она не завершится, Избранного обычно не трогают, да и обнаружить его труднее. За месяц возрастает сила, появляется характерный запах. После инициации не только кровь, но и кожа начинает пахнуть. Меняются также физические параметры. Не заметила еще, что стала выносливее и здоровее? Тебя сейчас ни одна простуда не возьмет, даже если будешь на снегу спать. А еще не только поедание, но и простой контакт с тобой позволяет получить немного силы. Совсем слабые духи, которые съесть не способны, любят просто потереться вокруг Избранного. А уж если очень тесно повзаимодействовать, то это как крови глотнуть. Понимаешь, о чем я? – Кролик подмигивает.

Продолжая рассеянно поглаживать даймония, пытаюсь уложить в голове полученную информацию. Пока инициация не окончена, меня, вероятнее всего, не тронут; до ее за-

вершения осталось меньше двух недель. По неумолимой статистике, мне жить всего полтора месяца осталось. Зато понятно, почему эти два демона меня во сне облепили и соблазняют активно. Не могут съесть, так хоть таким образом силы хлебнуть. Вот же шь! Решительно спихиваю кролика с колен.

– Это же не плоть и даже не кровь! Не будь тупой ослицей, тебе самой полезно, чтобы я был сильным. – Децимус ставит передние лапы на мое колено, намереваясь вернуться на нагретое место. Я понимаю правильность его доводов и логики, но все равно неприятно, что мной пользуются как батареей для подзарядки.

– Лепус, сгинь!

С легким хлопком демон исчезает. Мне хочется побыть одной. Все обдумать и, главное, сформулировать правильные вопросы, которые следует задавать. Следующие несколько часов я занимаюсь разными бытовыми делами и нахожу в этом успокоение. Я покупаю продукты в магазине, мою полы и вытираю пыль. Готовлю ужин, скормливаю домовому пару запеченных яблок. Уже ночь, но спать совершенно не хочется. Это возросшие физические возможности, о которых говорил Децимус, или я просто выспалась в объятьях демонов? Устраиваюсь на диване с одной из привезенных с собой книг, некоторое время листаю. А может, у демонов тоже есть литература?

– Лепус, явись передо мной, как лист перед травой. – Сама

не знаю, зачем добавила эту присказку. Само как-то на язык прыгнуло. Кролик тут же возникает ровно в метре напротив меня посреди комнаты – как раз на месте дыры от пентаграммы. Слышу приглушенные ругательства из подвала. Неудобненько как-то получилось. Уже открыв дверь в подпол на кухне и поставив ногу, замираю, осененная гениальной в своей простоте идеей.

– Лепус, сгинь! – кричу в темноту подвала. Слышу легкий хлопок и иду в спальню. С дырой в гостиной надо что-то делать. Определенно.

– Лепус!

Теперь кролик возникает рядом со мной на постели. Опять вырос! Размером он сейчас с матерого сенбернара, и матрас существенно прогибается под его тяжестью.

– Я же просил звать меня только по имени, тупая ослица! Опять чуть лапу не сломал из-за тебя, как в прошлый раз!

– Ничего ты не ломал, я видела, как ты чесался и скакал потом.

– Трещина была, но твоя кровь ускорила регенерацию. Зачем звала? – Децимус явно не очень рад меня видеть. Хотя все равно придвигается ближе и упирается лобастой головой мне в руку, прося ласки. Ну уж нет, не буду я больше его просто так гладить. Хочется подзарядиться, пусть вежливо просит!

– А чем отличается зов «просто по имени» от «с присказкой»?

– Тем, что у меня нет выбора! Когда говоришь «лист перед травой», даже на долю секунды промедлить не могу и выбрать, где появиться! А если бы я на толчке сидел? Вот так к тебе со спущенными штанами и заявляться? Или ты именно этого хочешь, опять без одежды меня застать? Сладкая булочка, тебе же только надо намекнуть!

С еле слышным хлопком облик демона меняется. Рядом со мной на постели сидит уже не кролик, а юноша. Одетый, но начинающий очень быстро раздеваться. Куда-то в угол летит футболка, пальцы Децимуса споро расстегивают молнию на джинсах. Я краем сознания отмечаю, что вещи у него вполне современные, даже на резинке трусов надпись знаменитого бренда. Нет, ну что за наглец! Теперь, когда я знаю, что все эти подкаты из-за силы... как-то обидно, знаете ли! Раньше меня хотя бы веселила его щенячья резвость и желание построить из себя мачо.

– Лепус, сгинь!

Хлопок, и демона рядом нет, а его одежда остается живописно разбросана по комнате. Собираю вещи, складываю их на комод, жду несколько минут. Надеюсь, он все-таки хоть наполовину такой умный, как говорит, и намеки понимает. Так, должен уже успеть одеться. Зову просто по имени, считаю про себя. На счет «три» Децимус в человеческом облике восседает на стуле метрах в двух от кровати. Демон смотрит на меня с вызовом и обидой одновременно. На его фут-

болке нарисован самолетик с надписью «Virgin»⁷. Пытаюсь не улыбнуться, но губы сами собой растягиваются. Смеюсь.

– Это означает «первый»! – возмущенно восклицает Децимус, проследив за моим взглядом и скрещивая руки на груди, чтобы закрыть надпись.

– Так ты же Десятый.

– Десятый – это не номер, а имя.

– У нечисти есть книги? – решаю не спорить, а вернуться к волнующему меня вопросу.

– Есть, – коротко отвечает демон. Кажется, кто-то на меня обиделся.

– Принеси мне, пожалуйста, несколько книг, посвященных Избранным. Это будет ответом на мой вопрос.

Децимус кивает, задумчиво прикрывает глаза, а потом начинает выхватывать прямо из воздуха потрепанные фолианты, как будто берет книги с невидимых полок.

– Хватит!

На столе уже громоздится высокая книжная башня, покосившаяся и грозящая рухнуть в любой момент.

– Ну, хватит так хватит. Книг по Избранным много. Вот это, например, хронология появления и список тех, кому сила досталась.

– А это что? – вытаскиваю из стопки неожиданно маленькую и совершенно новенькую брошюру. «Предупреждения и наставления Отшельника».

---

⁷ Virgin – также переводится с английского как «девственник».

– Хм, странно, как она сюда затесалась. Один твой современник вообразил себя Нострадамусом и дает предсказания. Я в такое не верю. – Децимус уже собирается выкинуть книжку обратно в невидимую библиотеку, но я перехватываю его руку. Чем-то эти записки Отшельника важны. Текст внутри написан иероглифами. Смотрю на обложку – русские буквы, открываю странички – что-то китайское.

– Ты можешь это прочитать? – протягиваю брошюру Децимусу.

– Конечно, я знаю все земные языки! – Демон возмущается и хвастается одновременно, а потом начинает переводить: – И извергнется внутренний огонь, разливаясь по земле, а когда остынет он, почернеет и рассыпется мелким углем, две точки сосредоточения сил сойдутся в одну.

Децимус читает дальше, а я с неотвратимой ясностью понимаю, что в этих «предупреждениях» говорится как раз о том вулканическом плато на Камчатке. Все сходится: и «огонь», и «черный песок». О моей Избранности есть предсказание!

– Ворота откроет уникальная кровь девы невинной... – продолжает читать демон, и я вижу, как его лицо кривится. Не кровь, отнюдь не кровь «открыла ворота»!

– Это все-таки не обо мне! Я кровь не проливала, да и не... – почему-то смущаюсь под пристальным взглядом Децимуса произнести, что я не «дева невинная».

– На такие «пророчества» почти никто не обращает вни-

мания, они слишком неточны, имеют множество толкований и не несут практической пользы. Но это действительно предупреждения о новой Избранной, то есть о тебе. – Демон открывает страницу в конце, пробегает глазами по тексту и как-то неестественно бледнеет.

– Что там? – Не нравится мне видеть Децимуса таким растерянным.

– Из-за двойственного пересечения линий Избранный наберет сил на порядок больше. Этого хватит, чтобы разбудить дракона... – Демон вскакивает, хватая меня за плечи, начинает трясти: – Нельзя, ты понимаешь, этого нельзя допустить! Ты должна умереть раньше, чем накопишь такую силу.

Я пугаюсь не самого Децимуса, а страха, который звучит в его голосе. Как же невообразимо кошмарно должно быть то, что ужасает демона. Я не хочу умирать!

– Ты сам сказал, что пророчества неточны и допускают различные толкования.

– Да, – выдыхает Децимус, отпуская меня. Он поднимает книжку, перечитывает последние страницы, а потом кидает ее на пол: – Это все бред выжившего из ума старика, слишком много просидевшего на вершине горы.

– Но чтобы у пророчества не было никакого шанса, мне надо избавиться от Избранности. Так? Ты знаешь способ?

– К сожалению, нет, – серьезно отзывается Децимус. А я понимаю, что эти «наставления и предсказания» его все-

таки испугали. Если бы он знал, как избавиться, сейчас бы с радостью помог мне сделать это.

– Буду искать информацию, я же твой даймоний. – Он так искренне улыбается, что я не могу не улыбнуться в ответ. Делаю шаг вперед, треплю демона по волосам.

– Спасибо!

***

Дни пролетают очень быстро. Я зарываюсь по самую макушку в книги из незримой демонической библиотеки. Читаю, сопоставляю, опять читаю. Децимус притаскивает мне все новые и новые книжки. Он, похоже, успел переговорить с кем-то из старших демонов и перестал беспокоиться о пророчестве и драконе. Помогает, но без особого энтузиазма. Литература вся на разных языках, много на латыни. Сперва демон читал мне вслух, а потом наложил какое-то заклятие, и теперь я вижу на всех страницах русский текст. По вечерам не забываю ставить за печку миску с молоком и хлебом, но сам домовый не показывается. Никто никогда даже не пытался избавиться от «избранничества». Может, я не там ищу?

***

Просыпаюсь резко, на меня как будто бетонная плита навалилась. Не могу пошевелиться, закричать. Чур сидит на моей груди и заглядывает в лицо.

– За тобой идут. Зови своего защитника.

Домовой ловко, как кошка, спрыгивает на пол. Тяжесть тут же пропадает. Облегченно вздыхаю.

– Спасибо, дедушка чур, – благодарю, даже не собираюсь протестовать против такого жуткого способа пробуждения. Вскрываю с кровати и торопливо переодеваюсь.

– Ангус, приди ко мне, пожалуйста!

Глава 5. Что чуру хорошо, то волколаку смерть

– Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда – тот и сильнее. © фильм «Брат-2»

Появившийся в спальне демон явно недоволен. Двенадцатый одет в деловой костюм, пиджак расстегнут, как и две верхние пуговицы белоснежной рубашки. Длинные волосы собраны в аккуратный низкий хвост. В руках он держит треугольный бокал с плавающей на дне оливкой. Очень похоже, что я вытащила его с какой-то презентации. Что демоны могут обсуждать на деловых вечеринках? Новые модели котлов для грешников? Ангус одним глотком опрокидывает в себя жидкость из бокала. Оглядевшись, ставит опустевшую тару на пол, потому что все остальные поверхности – стол, подоконники – завалены книгами об Избранных, ритуалах и истории. Поправляет манжету рубашки, на секунду ослепляя меня блеском искрящихся камней на запонках. Пятьдесят оттенков демона, до чего же ему идет костюм! На миг забываю, зачем я его вообще вызвала, просто люблюсь.

– Надеялся, что не успеешь, – странно ласково говорит он, делая стремительный шаг ко мне. Нежный, соблазняющий

тон диссонирует со смыслом слов. Этот демон надеялся, что меня съедят раньше, чем я назову его имя! Хочется зарычать от бессилия. Я не просила своего Избранничества! Ангус так близко, что я чувствую жар его тела. Только что бывшие карими глаза быстро наливаются огнем. Он наклоняется, будто собираясь меня поцеловать. Резко втягивает в себя воздух и шепчет: – Детка, ты стала совсем сладкой.

– Инициация завершилась? – спрашиваю тоже шепотом. Я же знала, что это должно скоро произойти, готовилась, даже на всякий случай упаковала рюкзак с необходимыми вещами. Почему же сейчас замираю, как мышь под веником? Вместо ответа Ангус облизывает мою щеку. Я ему что, мороженка?! Оцепенение тут же спадает, я отшатываюсь от демона, вытираю лицо рукавом толстовки. Очарование Змеем пропадает.

– Я пытался замаскировать твой запах своим. Но как хочешь. – Ангус отступает, всматривается во тьму за окном. Ох, не верю я ему!

– Там стая волколаков идет, сиди в доме и не высовывайся. – Демон торопливо пересекает комнату и, бросив взгляд через плечо, добавляет еще раз: – Не высовывайся.

Вместо меня ему отвечает вой с края деревни. Собачий? Волчий? Что я знаю о волколаках? Это славянские оборотни, аналог вервольфов. Они не контролируют свое поведение, нападают на скот и людей. Иногда в волколачью стаю превращают гостей на свадьбе. Вой раздается ближе. Святые едино-

роги! Чувствую, как колени слабеют. Опускаюсь на пол, не в силах устоять на ногах. А я думала, что смелая, все выдержу, разберусь во всех этих сказках! По всей деревне заходятся лаем собаки. Рычание, совсем близко от дома. Собачий лай обрывается на скулящей ноте. Все волосы на теле встают дыбом. Зажимаю ладонями уши, не хочу, не могу слышать это. Но все равно слышу. Шум во дворе. Рык. Скрип когтей по стеклу, а от страха невозможно поднять глаза. Не увидеть, кто бьется в окно. Еще один короткий рык, а потом ругательство. Это Ангус! Это его голос. Мой ангел-хранитель, спаси и сохрани! Скулеж, переходящий в хрип. Рычание, полное ярости и злости, сменяется каким-то бульканьем. Тишина. Полная, бесконечная тишина. Затишье перед бурей.

– Ангус, – зову с надеждой. Темнота под крепко зажмуренными веками. Секунды кажутся вечностью. Сдвоенное клацанье когтей по деревянным половицам в коридоре, затем в гостиной. Шум, удивленно-разочарованный скулеж из глубин подвала. Так и знала, что дыру в полу не нужно заделывать, из нее получилась отличная ловушка для волков! Я уже почти решаюсь открыть глаза, как опять раздается клацанье и надсадное хрипящее дыхание совсем рядом. Чувствую тяжелый мускусный запах дикого зверя. Два волколака пробрались в дом. Один теперь в подвале, а второй подбирается ко мне. Я должна дать отпор, должна хотя бы взглянуть в лицо опасности. Пусть не могу ничего сделать, но я должна. Это будет просто плевок в оскаленную морду смерти. Я

должна! Два горящих красным огнем глаза смотрят прямо на меня. Громадный черный зверь не рычит, а только втягивает трепещущими ноздрями воздух, облизывается. Сейчас меня съедят. Понимание приходит с кристальной ясностью. Морда существа, отдаленно напоминающая волчью, совсем близко. Пинаю ботинком, стараясь попасть по влажно поблескивающему носу. Достала! Зверь скулит, как-то по-человечески закрывает поврежденную часть лапой. Не ожидал, мохнатый? Волколак трясет головой и быстро приходит в себя. Он приседает, готовясь к прыжку.

– Чтоб ты изжогу заработал! – кричу безнадежное проклятье, прикрываясь руками и продолжая сучить ногами, отбиваясь от бросившегося на меня врага. Почему мне не больно? Я видела эти острые зубы, они могут располосовать мое тело в один миг. Передо мной катается глухо рычащий клубок, черная мохнатая шерсть перемешалась со змеиными кольцами. Ангус, он жив! От облегчения я готова расплакаться. Чем ему помочь? Но от меня каких-то действий уже не требуется, клубок замирает, распадается на неподвижное изломанное волчье тело и змея, упруго свернувшегося в несколько колец. Рептилия молниеносным движением скользит в гостиную, ныряет в погреб. Рык захлебывается. Тишина. Теперь это точно тишина, не гнетущая, напряженная, а спокойствие завершенной битвы.

– Это пос-с-следний, детка, не бойс-с-ся, – шипит мой защитник, вползая в спальню, а я закрываю лицо руками и пла-

чу. Я могла умереть. Действительно могла сейчас погибнуть. Осознаю этот факт неумолимо четко. До настоящего момента все эти чудеса воспринимались немного забавной игрой. Говорящие кролики, лабиринты, ворчливые домовые – это все пугало, но веяло детской сказкой в современной обработке. А вот теперь понимаю, что история, в которую я вляпалась, – самая настоящая сказка, где полно грязи, крови и смертей, где мачеха Белоснежки танцует в раскаленных железных башмаках, пока не падает, испустив дух, где принц насилует Спящую Красавицу в лесной сторожке, а она беременеет, так и не проснувшись, где боги-звери в различных обличьях убивают и совокупаются с людьми, не заботясь о чувствах последних.

– Тише, детка, ну что ты, все уже закончилось. Он тебя не достал? – такой заботливый, ласковый голос над ухом, что слезы помимо воли текут сильнее. Прижимаюсь к твердому, надежному плечу, вцепляюсь пальцами в ткань рубашки, когда-то белоснежной, а сейчас вызывающе кровавой. Демон опять поменял обличье. Но сейчас для меня это неважно. Мир, из последних сил державшийся на тонкой нитке логики, рухнул мне на голову, погребая под собой здравый смысл. Меня чуть не съели! Я жива только чудом, и у этого чуда глаза цвета пылающего огня – желто-красные.

– Я в порядке. А ты? Ты ранен? – Теперь кровь и на моих руках тоже, рубашка Ангуса мокрая – хоть выжимай.

– Нет... не совсем, это не моя кровь... По большей ча-

сти. – Двенадцатый обнимает меня, гладит по вздрагивающим плечам. Глубоко вздыхаю, стараюсь совладать со слезами, демон же дышит часто, прерывисто. Он пострадал, в отличие от меня!

– Ты же ранен, покажи. Тебе нужно в больницу. Обработать, зашить. Вызвать скорую? – тараторю, уже сама понимающая, какой бред несу. Демона в больницу?

– Плохого защитника ты выбрала, детка. – Ангус горько усмехается, вставая и стягивая окровавленную рубашку с плеч, обнажая глубокие борозды от когтей на груди и следы от зубов на предплечьях. Он осматривает свои раны, а я на секунду зажмуриваюсь, потому что даже смотреть страшно и больно.

– Ангус. – У меня перехватывает дыхание.

– Жив буду, мы, демоны, очень живучие твари.

– Что я могу для тебя сделать?

Двенадцатый выглядит удивленным моим вопросом, где-то в глубине его огненных глаз сверкает искорками новое чувство, которое я не могу распознать.

– Смешные вы существа, люди. Отошли меня и позови Децимуса. Близкой опасности я не чувю. Я, конечно, тебе не даймоний, но советую теперь одного из нас постоянно держать рядом.

Я киваю. Мы – демоны, вы – люди. Все он правильно сказал. Я не должна чувствовать вину из-за того, что он пострадал, защищая меня. Именно из-за них, из-за этой нечисти

мне теперь нужна помощь.

– Ангус, сгинь!

Негромкий хлопок возвещает о том, что демон исчез. Только пятна крови на полу на том месте, где он стоял. Мой взгляд скользит дальше, пока не встречается с мертвыми глазами волколака. Проглатываю крик, готовый вырваться из груди.

– Лепус, – шепчу имя второго демона. Пожалуйста, быстрее. Последнее добавляю уже мысленно. Мягкий, шелковистый мех почти сразу же касается бока и плеча. Кролик возвышается надо мной, он опять вырос, теперь достигнув размером подтелка⁸. Полуметровые уши чутко вздрагивают, вслушиваясь в тишину короткой летней ночи, спешащей смениться утром.

– Грязи-то развел. – Децимус одним скачком оказывается рядом сдохлым волколаком, принохивается к телу, а потом брезгливо трясет лапой, испачканной кровью. Его ворчливый тон меня успокаивает, вытираю с щек остатки слез. И, кажется, размазываю кровь с рук по лицу. Плевать.

– С Ангусом все будет в порядке?

– Да что ему сделается. Хоть и не думал, что он настолько ослаб. Позволить ранить себя какому-то волколаку!

– Ты его видел?

– Нет, кровь его чую. – Громадный кролик опять вляпывается в тягучую лужу на полу, трясет лапой, а потом обви-

---

⁸ Подтелок – годовалый теленок.

няюще обращается ко мне: – Почему пол не помыла? Что ты за хозяйка такая? Кто тебя, такую лентяйку, замуж возьмет?

От возмущения только рот раскрываю. Меня тут чуть не съели, а он о чистоте своих лап печется!

– Я могу помочь. – В дверном проеме появляется черная лохматая тварь.

– А-а-а! – ору от неожиданности, приняв пришельца за еще одного волколака, а потом узнаю свой красный шнурок, завязанный на лохматой шее кокетливым бантиком. Это домовый Тихон в своей звериной ипостаси.

– Дедушка чур, ты почему это... в таком виде?

– Звуки битвы, запах крови, вот его и перекинуло, – вместо домового отвечает Лепус. А существо (теперь вижу, что оно больше похоже на кота, чем на собаку или волка) согласно кивает и говорит:

– Я могу помочь. Уберу тут и во дворе все, да еще и дырку в полу заделаю. А то что за срамота!

– Спасибо, дедушка чур!

Но домовый продолжает стоять и выжидающе смотреть на меня. А я уж подумала, что это он из благодарности за молоко и яблоки, но ему явно нужно что-то еще. Я тоже не спешу говорить, иногда преимущество получает самый терпеливый.

– Внушенька, Ариночка, отрежь волколакам хвосты и кинь в растопленную печь как подношение мне.

Вот так всегда, когда этой нечисти что-то надо, они и лас-

ковые, и по имени обращаются. А когда не надо – тут тебе и «тупая ослица», и «последыш», и «позор рода». Пытаюсь вспомнить, как меня Ангус обзывал, но кроме снисходительного «детка» ничего не припоминается. Хотя все равно он такой же!

– Ох, топить печь так трудно! Полы я и сама помыть могу. Да и дыра в полу может еще пользу принести.

Я тоже умею торговаться. А домовому эти хвосты очень нужны. Вижу, как Лепус усмехается в усы и разводит уши в стороны – он раскусил мою хитрость.

– Я еще один совет дам, где помощь искать, – нехотя произносит чур. Почему домовый только сейчас говорит об этом? Или это просто кредо всех потусторонних существ: «не помоги человеку безвозмездно»?

– Лепус, пойдем со мной. Мне очень нужен твой ценный совет по поводу рубки дров! – Обходя кровавые лужи и мертвого волколака по большой дуге, выхожу из дома. Замираю на пороге. Во дворе, подсвеченном первыми лучами рассветного солнышка, передо мной предстает поле краткой, но очень жестокой битвы. Ангус порвал волколаков в самом прямом смысле. У порога тело черного зверя, согнутое под совершенно неестественным углом, сквозь мохнатую шкуру белеют кости. Второй труп, с излишне распахнутой челюстью, лежит у окна. «Пасть порву» – кажется, именно это ругательство я слышала в разгар битвы. Ангус слов на ветер не бросает. Трава во дворе красная от крови. Сколько здесь

волколаков? Десять, больше? Меня опять потряхивает. Чьи-то руки обнимают со спины. Децимус. Наверное, принял человеческий облик, потому что в туфлях все-таки удобнее ходить по кровавым лужам, чем необутыми лапами. Он устраивает подбородок на моей макушке, но я не протестую: приятно осознавать, что за твоей спиной кто-то высокий и сильный, кто может поддержать, пусть это даже безалаберный демон-подросток.

– Все-таки силен братец. Я не думал, что их так много было, – произносит Децимус.

– А если соседи это увидят? Как я это все объясню?

– Люди другое увидят. Смотри.

Децимус проводит ладонью с растопыренными пальцами перед моим лицом, и изображение мира начинает расслаиваться, двоиться. Вот передо мной кровавое побоище с волколаками, а вот просто несколькодохлых собак-дворняг валяются во дворе дома.

– Как так? Я же человек...

– Я же уже объяснял, Избранные видят то, что за гранью, недоступное другим людям.

Вздыхаю. Все я это знаю, просто мое сознание не хочет окончательно смириться с ситуацией. Я Избранная, моя инициация прошла, и теперь охота официально открыта.

В сарае я неумело ставлю чурку на колоду, неправильно взмахиваю топором. Задаю Децимусу тысячу уточняющих вопросов. Ошибаюсь, выполняя инструкции демона. Не то

чтобы я особо играю. Весь мой опыт наковки дров – это когда я час мучилась с тремя чурбаками пару недель назад.

– Тупая ослица, смотри, как надо! – восклицает Децимус, отбирая из моих рук топор.

– Кажется, почти поняла! А, нет, можешь повторить еще раз?

Зрелище демона, ловко управляющегося с топором, радует глаз. Приятно смотреть, как работает другой человек, ну или нечисть, как в данном случае. Децимус колет дров даже больше, чем требуется для одной растопки печи. Пригодится.

– Спасибо, Лапус, ты так хорошо объясняешь! Думаю, дров уже хватит, – говорю я, наслаждаясь постепенно вытягивающимся лицом демона, осознающим, что его обвели вокруг пальца.

Большим кухонным ножом срезаю волколачьи хвосты. Они отделяются неожиданно легко. Вскоре у уже растопленной печки образуется целая горка. Тринадцать! Чертова дюжина. Я выбираюсь из подвала, сжимая в руках последний хвост.

– Подожди-подожди! Я должен это сфотографировать! – восклицает Децимус, извлекая из кармана джинсов навороченный смартфон, и делает пару снимков. – Можешь улыбнуться и руку с хвостом повыше? О, такое злобное выражение даже лучше подходит! – Демон откровенно веселится, потом выходит во двор. Через дверной проем мне видно, как

Лепус делает селфи на фоне мертвых волколаков. Не хватало еще, чтобы он эти фотографии в Инстаграм выложил!

Я кидаю хвосты в огонь, приговаривая:

– Что домовому хорошо, то волколаку смерть. Для пращура моего Тихона Пановича подношение. Да прибудет с тобой сила! Чур меня!

Хвосты вспыхивают в огне, почти сразу же распадаясь черным пеплом.

– Иди, внученька, в баньку, отмойся, я истопил. К твоему возвращению все исполнено будет. – Голова чура на миг высовывается из-за печки, домовою довольно облизывается, глаза полыхают зеленым. Вот как так? Если он сам может баню натопить, значит, и с печью управился бы, но каждый раз заставляет меня это делать. Или это часть ритуала приношения? А отмыться мне и правда не помешает. Руки по локоть в крови. Одежда тоже вся заляпана, кожу на щеках стягивает.

– Сладкая булочка, тебе спинку потереть? – заботливо спрашивает Децимус. Отмахиваюсь.

К тому моменту, как я выхожу из бани, солнце уже поднимается достаточно высоко. Жмурюсь под теплыми лучами, сушу русые волосы. Во дворе только местами примятая трава напоминает о случившемся перед рассветом. На крыльце сидит чур, завидев меня, встает, поправляет короткую рубашку. Он опять вырос, но я уже не удивляюсь. Не такая уж я недогадливая, чтобы не заметить связь между ростом и си-

лой, которую домовой получает через мои подношения. Надо узнать, как мои демоны наращивают мощь. Может, помочь смогу, сделаю их сильнее. Мне это и вправду выгодно. Вот только крови своей не дам, пусть даже не просят.

– Ты все книги читала, мудрость искала. Но настоящую мудрость не записать, а только запомнить можно. Дракон все знает, но спит. А вот Отшельник подсказать может, если совсем из ума не выжил.

Слова домового сразу же напоминают о брошюрке «Наставления и предупреждения Отшельника».

– А где его искать, бабушка?

– Твой знает, – кивает чур на вышедшего из сеней маленького кролика. Зверек при упоминании Отшельника кривится, но не комментирует. Что домовой с ним такое сделал, что он теперь молчаливый? На Децимуса это совсем не похоже. Я тоже хочу знать рецепт, как укоротить болтливый кроличий язык! Подхватываю маленького пушистика под брюшко и прохожу в дом. Все-таки в таком виде он нравится мне намного больше, а если будет отвечать, только когда спрашивают – цены ему не будет. Прохожу в гостиную, осторожно стучу ногой по полу в том месте, где была нарисована пентаграмма. Никакой дырки больше нет, все доски целые и старые, будто ничего и не было. Все-таки домовой молодец, качественно все убрал. Устраиваюсь на диване с кроликом на коленях.

– Окей, Децимус, где живет Отшельник?

– На Камчатке, вулкан Мутновский.

Такого ответа я совсем не ожидала. Опять лететь на Камчатку? Где деньги на билеты и снаряжение брать? Так ведь у меня советник!

– Лепус, будь хорошим даймонием, найди способ, как мне раздобыть быстро деньги. И чтобы это было легально для мира людей, – говорю, поглаживая кролика по голове и спинке для поощрения.

– Если быстро, то это к Двенадцатому. Он всегда по этой части был и легко помочь сможет, если захочет, – после минутного раздумья выдает мой личный помощник, отличающийся умом и сообразительностью. На миг жалею, что не озаботилась финансовым вопросом раньше. Потом еще секунду колеблюсь «звать-не звать», хотя уже достаточно времени прошло, о ранах Змей наверняка позаботился.

– Ангус, явись!

Демон появляется передо мной в двух шагах. Он пошатывается, как человек, внезапно потерявший точку опоры, а потом выпрямляется и как-то с вызовом на меня смотрит. В одной руке Ангус сжимает вилку с наколотым на ней куском мяса, во второй – бокал с вином. На нем уже другой костюм, кипельно-белая рубашка полностью расстегнута, на шее и губах след от губной помады. Точнее, это два следа от двух разных помад – цвета отличаются. Ран от волколачьих когтей на груди не видно. Он уже вылечился? Кролик хихикает, утыкаясь мордочкой в мою ладонь. Наверное, у меня

было слишком ошарашенное выражение лица, когда я поняла, что вытянула демона из объятий двух дам. Ангус невозмутимо съедает мясо, запивая вином.

– Арина, мы можем договориться, чтобы ты вызывала меня только по имени? Без всяких ускоряющих факторов?

Арина. В устах Ангуса мое имя звучит как-то необычно, чарующе. Трясу головой, это все его харизма, он тот еще мастер наваждений.

– Хорошо, – соглашаюсь без особых раздумий. Я-то и не знала, что просто «явись» даст такой же эффект, как и «явись передо мною, как лист перед травой». Значит, все остальные слова про растения не важны, главное первое.

– Опасности я не чувствую. Зачем звала? Я думал, у меня каникулы до следующего побоища.

Моя совесть просыпается и начинает покусывать, пока нежно. Он дрался и пострадал за меня, а я его тут дергаю!

– Если я перестану быть Избранной, тебе не придется больше драться. А для этого мне нужно найти Отшельника. Он живет на Камчатке. Мне нужны деньги на билеты. Лапус сказал, что ты можешь помочь, – многословно объясняю я, стараясь всем этим заткнуть свою не вовремя проснувшуюся совесть.

– Я Лепус! – обреченно восклицает так и не смирившийся со своим прозвищем кролик, нежась под моими поглаживающими прикосновениями.

– Значит, тебе нужны деньги, – задумчиво протягиваю

ет Ангус. Прозрачные камешки, служащие ему запонками, разноцветно переливаются в солнечном свете. Бриллианты? Этот демон действительно должен знать, где достать деньги.

– Да. Ты мне поможешь?

– Помогу, если ты поможешь мне. Во-первых, предлагаю вместе поспать.

– Что?! – Это не мой негодующий вопль разрывает образовавшуюся тишину комнаты. Это Лепус вскакивает на все четыре лапы и возмущенно смотрит на Ангуса.

– Во-вторых, ты поможешь мне достать кое-что. Я это продам и дам тебе денег, – невозмутимо продолжает Ангус, не обращая внимания на воинственно нахохлившегося кролика. Лепус спрыгивает с моих колен, одним скачком оказывается перед Двенадцатым, и я наконец-то имею возможность наблюдать трансформацию демона. До этого момента мне не удавалось увидеть превращение так близко и в подробностях. Тело кролика теряет четкость очертаний и объем, становится будто нарисованным, появляется силуэт человека, мгновенно наполняется красками. При переходе из меньшего состояния в большее характерного хлопка не звучит.

– Quæ. Mea. Elected. Mea⁹, – четко, выделяя каждое слово, произносит Децимус. Ангус тоже отрывисто ему отвечает, некоторое время они спорят, сверля друг друга взглядами. Как хочется узнать, о чем они говорят! Надо учить латынь,

---

⁹ Quæ. Mea. Elected. Mea – Она. Моя. Избранная. Моя. (перевод с лат.)

срочно. Братцы демоны еще какое-то время разговаривают, но уже прекратили препираться, а потом одновременно обращаются ко мне:

– Ты можешь спать с нами обоими одновременно.

Сажу, хлопаю глазами. Что они несут? Вот не было такого ни в одной сказке!

Глава 6. Мелкие пакостники

Никто ни разу не сказал, что эльфы хорошие. Потому что на самом деле они плохие. © Т. Пратчетт «Дамы и господа»

Южная Ирландия. Лунный цикл назад

Здесь был край земли. Ветер не дул, наскакивал рваными порывами. Солнечные лучи освещали двухсотметровые скалы, восстающие из пенящегося моря. На самом краю обрыва, на границе земли и неба величественно стоял Козел. Шерсть животного была белоснежной, крепкие острые рога дерзко смотрели ввысь. Взгляд по-хищному желтых глаз был направлен не куда-то за горизонт, а на идущую по лугу женщину.

– Септимуса¹⁰, – произнесло животное негромко, но незнакомка явно услышала, вскинула на него такие же яркие, огненные глаза. Ветер трепал ее длинные черные волосы, подкидывал их вверх и в стороны так, что временами казалось, что у женщины вырастают крылья. Она целеустремленно шла, периодически вытягивая шпильки высоких сапог из рыхлой почвы, но ни на йоту не утрачивая высокомерно-элегантный вид.

---

¹⁰ Септимуса и Секундус – авторские русские транскрипции очередных латинских числительных. *septimusa* – «седьмая» и *secundus* – «второй».

– Секундус¹¹, так и знала, что найду тебя здесь. – Она остановилась в двух шагах от края, окинула Козла пренебрежительным взглядом. Животное склонило голову, острые пики рогов смотрели прямо в живот женщине.

– Что тебе нужно? – Козел тряхнул головой. От одного вида Седьмой у него чесался лоб от желания пронзить рогами мягкое, податливое тело, подкинуть вверх, а потом еще долго и с наслаждением бодать и топтать копытами.

– Хотела предупредить: не вмешивайся.

Козел молчал, смотрел на плещущееся у подножья скал море и представлял, как красиво будет смотреться Седьмая там, внизу, когда ее тело будет биться вместе с волнами о твердые камни клифа.

– Я вытряхну все твое грязное бельишко на Совете Двенадцати, ты и мекнуть не успеешь. – Демоница презрительно сощурила глаза, отчего ее прекрасное лицо вмиг потеряло изрядную долю привлекательности.

– Пустая угроза. Ты не посмеешь.

– Проверь. – Она развернулась и так же элегантно начала удаляться от места короткой встречи.

– Сука, – бросил Козел почти шепотом, но у Седьмой был очень хороший слух, как, впрочем, у них всех. Демоница услышала, обернулась, показала ровные белые зубы в широкой улыбке. Она сочла это за комплимент.

---

¹¹ Септимуса и Секундус – авторские русские транскрипции очередных латинских числительных. *septimusa* – «седьмая» и *secundus* – «второй».

Светловолосый мужчина, на вид лет тридцати, сидел на краю клифа, свесив в пропасть ноги в дорогих туфлях. Секунду достал из кармана телефон.

– Еще не определили, в какой стране появился Избранный? Ищите быстрее.

***

Россия. Подмосковье. Настоящее время

– Э-э-э... Спасибо, конечно, за столь лестное предложение... Но, пожалуй, откажусь, – неожиданно тактично озвучиваю свои не очень цензурные мысли: «Вконец охамели демоны!» Чувствую, как волна стыдного жара заливает лицо. На секунду – нет, на сотую долю секунды – мое богатое воображение подкидывает мне картинку «я и два демона». Мне почему-то представляется, как мы все втроем идем на свидание. Лепус притаскивает сорванные с клумбы тюльпаны, а Ангус – букет алых роз в изящной упаковке. А потом они наперебой кормят меня сладкими булочками. Романтика смущает меня больше, чем если бы я вообразила секс. Вот же шь!

– Просто поспать, детка, отдохнуть на одной постели. Ты же наверняка не выспалась этой ночью, а сон рядом поможет мне окончательно восстановить энергию, потраченную на твою защиту. – Ангус прищуривает хитро вспыхнувшие глаза, так и говорящие: «Знаю, о чем ты подумала, и я не против».

– А без этого никак? – все еще пытаюсь сопротивляться.

– Поспать все равно надо. Ночью на это времени не будет. Детка, не бойся: если кто-то опять за тобой придет, я это учую, – рассудительно говорит Ангус. Удивительно, но Децимус молчит, не вставляет ехидные комментарии. О чем они там договорились на своей латыни?

– Только я буду в одежде, а вы – в виде своих животных аватар. Маленьких! – выдвигаю встречное предложение.

Вот так из-за денег я провожу ночь, точнее день, с двумя демонами в постели. Хотя тут еще и моя совесть виновата: она бы не успокоилась и продолжила меня грызть, напоминая, что Ангус пострадал от волколаков, пришедших за мной.

Засыпаю на удивление быстро. Я думала, что и глаз не смогу сомкнуть, просто повалюсь на кровати, позволив демонам напиться от моей энергии Избранной. Миниатюрная змейка обмоталась экзотическим браслетом вокруг моего запястья, а крошечный кролик пристроился, привалившись меховым боком к другой руке. И почему-то от их тепла становится так спокойно и умиротворенно, что я почти мгновенно погружаюсь в сон.

– Детка, вставай. Отошли Лепуса, нам уже пора идти. – Мужские пальцы ласково касаются моей щеки, скользят ниже по шее, поглаживают не прикрытые тканью футболки ключицы. Глаза Ангуса светятся желтым в сгущающихся сумерках. Ну вот как можно! Быть таким нежным после того, как недвусмысленно заявил, что сожалеет, что меня не съе-

ли. После того, как я видела два оттенка чужой помады на его коже. Откидываю руку Двенадцатого.

– Я уже проснулась.

Маленький кролик сидит, уткнувшись мордочкой в мой бок, но я вижу желтые искорки между прищуренных век. Не спит. Сажусь, беру Децимуса в руки – он почти умещается в моих раскрытых ладонях – подношу кролика к лицу. Кажется или на мордочке Лепуса удивление?

– Пожалуйста, продолжай искать информацию об избавлении от Избранничества, – говорю, отмечая краем глаза, что Ангус внимательно за мной наблюдает. Демонстративно целую кролика в лоб.

– Лепус, сгинь!

Легкий хлопок, и мои ладони пусты. Зачем я это сделала? Я что, пыталась вызвать ревность Ангуса? Да не, бред какой-то.

– Обувайся, – торопит меня демон, а потом, окинув меня придиричивым взглядом, спрашивает: – У тебя кожаная куртка есть?

– Нет. А она обязательно нужна?

– Дай мне семь минут и вызывай обратно, – распоряжается Змей.

– Ангус, сгинь. – Не вижу смысла спорить с демоном по такому мелкому вопросу, тем более что мне надо привести себя в порядок после сна. И перекусить. Последнее явно не помешает. Съедаю миску хлопьев с молоком, но понимаю,

что этого явно недостаточно.

Я ем омлет прямо со сковородки, когда на кухне появляется Ангус.

– Ты почему меня не зовешь? Я же сказал – семь минут. – Демон успел поменять классический костюм на джинсы и футболку, в руках он держит две кожаных куртки.

– Эм... Ты можешь сам ко мне являться?! А я думала, что только когда я зову. – Я даже жевать от удивления перестаю.

– На это силы тратятся. Детка, давай без самодеятельности. Если я сказал «вызывай через семь минут», делай, как я говорю. – Ангус отчитывает меня, протягивая одну из курток.

– Я человек вообще-то, нам, людям, есть надо хоть иногда. – Быстренько доедаю остатки омлета, складываю сковородку в таз для грязной посуды, натягиваю куртку на плечи.

– Внушенька, я уберу, не беспокойся, – выглядывает из-за печки чур. Ого! Волколачьи хвосты явно пошли на пользу нашим взаимоотношениям с Тихоном. Сытый домовой – это даже лучше, чем робот-пылесос!

– Спасибо, дедушка чур!

Ангус тоже успел надеть куртку. И я считала, что ему идут костюмы? Это я его просто в прикиде а-ля байкер не видела! Вот же демон!

– Возьми вещи и выходи, мы можем сюда не вернуться в ближайшее время, – говорит демон, растворяясь во тьме плотных сумерек во дворе. Я подхватываю давно собранный

рюкзак со всем необходимым.

– Держи, последыш. – У порога дома стоит чур и протягивает мне маленький, с грецкий орех, мешочек из холстины, завязанный бечевой.

– Что это?

– Пригодится. – Чур явно не собирается пускаться в объяснения. Секунду размышляю. Все-таки не хочется брать «кота в мешке», пусть даже микроскопического. Но пользы от чура больше, чем вреда. Беру, прячу «подарок» в рюкзак, выхожу на улицу.

У немного покосившихся ворот стоит новенький, блестящий хромом мотоцикл. Агнус седлат железного коня и приглашающе похлопывает по кожаному сидению позади себя.

– Ты можешь объяснить, куда мы едем и что будем делать? – Я не спешу занять предложенное место.

– Детка, как я уже говорил, ты сможешь достать одну вещь. Пыльцу. Я смогу ее выгодно продать и дать тебе денег. Тебе ничего не нужно будет делать – просто постоять на том месте, где укажут. Это не больно и не причинит тебе вреда. – Агнус обстоятельно, как несмышленому ребенку, объясняет мне предстоящую миссию. Уж как-то слишком гладко он говорит. Мои сомнения растут как на дрожжах. Это же демон, обман у него в крови!

– Сколько денег?

– Что? Ты же сама сказала, тебе нужно купить билеты на Камчатку. Вот столько и дам. Детка, поехали, у нас мало вре-

мени!

– Лепус! – Вместо ответа я отворачиваюсь от своего защитника и зову советника. Пусть невежливо, пусть некрасиво так делать, но я должна знать.

Мой даймоний появляется в человеческом облики с книжкой в руках, продолжая просматривать глазами текст.

– Сладкая булочка, ты определись, я должен искать информацию или отвечать на твои сиюминутные запросы. – Децимус закладывает пальцем страницу и прикрывает книгу. «Или ты позвала меня, чтобы еще раз поцеловать?» – голос, который раздаётся в моей голове, немного смущает. Вот же шь! Я и забыла, что он может передавать мне свои мысли.

– Что такое пыльца, которую собирается с моей помощью добывать Ангус?

– Своеобразный наркотик-афродизиак для нечисти. Образуется на крылышках эльфус-минима-вульгарис. Редкое и поэтому очень дорогое вещество.

Мне бы расспросить подробнее о «способах добычи», но внимание цепляется за «очень дорогое». Так и знала, что этот Змей хочет меня облапошить!

– Лапус, спасибо, можешь идти. Ой, то есть, Лепус, сгинь! «Ангус тебе больше пяти процентов не даст», – звучит в моей голове мысль даймония, перед тем как демон с легким хлопком исчезает.

– Я хочу половину прибыли от продажи! – решаю, что если уж делить, то по-честному.

– Полпроцента, – невозмутимо отвечает этот гад. Пару минут мы ожесточенно и громко торгуемся, так что я даже начинаю оглядываться: не собираются ли вокруг заинтересованные жители ближайших домов.

– Семь. Это мое последнее слово. Или будешь доставать деньги самостоятельно.

Что-то в тоне Ангуса убеждает меня в том, что он так и сделает: откажется от моей помощи и будет искать другие способы добыть пыльцу. А я останусь без денег. Хотя это больше, чем прогнозировал Децимус. Эх!

– Договорились. – Только я произношу это слово, как в моей руке появляется золотая нить, тянущаяся к полоске металла на шее Ангуса. Демон нечленораздельно ругается, пытаясь содрать ошейник. Через несколько секунд и нить, и золотая удавка, обхватившая горло демона, замерцав, исчезают.

– Это соглашение прикрепило к первому, – задумчиво тянет Ангус, как-то с подозрением косясь на меня, а потом еще раз хлопает по сиденью мотоцикла: – Поехали, детка, у нас совсем не осталось времени.

И мы мчимся по проселочным дорогам мимо полей с подсолнухами и кукурузой. Мне кажется, что головки цветов осуждающе покачиваются, глядя нам вслед. До чего ты докатилась, Арина, помогаешь добывать наркотики для демонов! Ай, пусть эта нечисть травится, чем хочет. Я просто хочу найти Отшельника и стать нормальной. Прижимаюсь к

Ангус сильнее, прячу лицо от пронизывающего встречного ветра за его широкой спиной. Мои руки намертво сцепились, обхватив талию демона. Убеждаю себя, что я так прижалась, потому что совершенно не хочу свалиться с мотоцикла, который подпрыгивает на ухабах, как норовистый конь. Вскоре дорога теряется, мимо мелькают деревья. Лесополоса стремительно сменяется чащобой.

– Дальше пешком, – говорит Ангус, заглушая мотор. Он помогает мне слезть и отбирает рюкзак: – Детка, это лишнее, оставь здесь. Мобильный тоже. И куртку.

Немного поколебавшись, складываю вещи на сидение. Смартфон все равно не ловит, а куртка не моя. Красть некому, вряд ли здесь кто-нибудь ходит, кроме лесных зверей. А уж белкам не нужен мой телефон. Ангус подхватывает меня на руки, я и пикнуть не успеваю.

– Детка, обними меня руками и ногами, так мы сможем быстрее передвигаться по лесу. – Демон поддерживает меня под попу, не сомневаясь, что я выполню его распоряжение. Как же меня достало это его «детка», столько снисхождения в голосе!

– Я буду называть тебя земляным червячком, если не прекратишь говорить «детка», – шепчу угрозы в такое близкое демоническое ухо, успевая заметить три маленьких сережки-колечка, украшающих мочку, прежде чем фары мотоцикла гаснут, погружая окружающий мир во мрак. Разве у него были сережки раньше? Ай, какая мне разница, чем этот

Змей себя украшает. И совсем мне не хочется прихватить губами его ухо, покатать на языке эти маленькие кольца, ни капельки!

И не введи меня во искушение. Слова приходят и помогают прогнать ненужные мысли. Даже не сами слова, а посыл, содержащийся в них, в потустороннем мире много значит. В природе демонов – соблазнять, в силах человека – не поддаваться.

Спустя минут пятнадцать сумасшедшего бега по лесу мы оказываемся на круглой поляне. Ночное светило, проявляя к происходящему большой интерес, заливает пространство серебристым светом. Трава под ногами выглядит ухоженной, будто газон в английском парке, который регулярно подстригают уже несколько сотен лет. Ангус опускает меня на землю, но продолжает держать за руку. Неужели он думает, что я сбегу в лес? Да я же никогда дорогу обратно не найду! Деревья плотной стеной обступают небольшой клочок открытого пространства. Только высокая ель выбивается из этого ряда, как будто хвойное дерево хотело шагнуть в центр поляны, но, застеснявшись, передумало и вот так застыло чуть с краю. Разлапистые ветки неожиданно качаются. А ведь ветра нет!

– За пылью пришел? – спрашивает дерево с каким-то предвкушением в голосе.

Ох, не нравится мне эта елка, уж больно она умна, если вы понимаете, что я имею в виду. Я уже около двух недель знаю

о существовании нечисти, но никак не могу привыкнуть к тому, что растения могут разговаривать.

– Здравствуй, Гелу¹², – говорит Ангус, делая шаг вперед так, что я оказываюсь за его спиной, прикрытая от шевелящейся елки. Интересно, кто этот Гелу? Леший, дриада? Страсть к изучению мифических существ оказывается сильнее страха, и я высовываюсь из-за плеча Змея. Наш собеседник все-таки не елка. Рядом с деревом стоит косматый великан в распахнутой длиннополой шубе. Борода лесного жителя спускается на грудь, путаясь в зарослях волос на ней.

– О, ты привел мне жертву? – Гелу в несколько шагов покрывает разделяющее нас расстояние, склоняется надо мной, втягивает широкими ноздрями воздух, а потом добавляет с недоверием: – Избранная?

– Нет, она моя. – Змей притягивает меня к себе, собственнически обнимает за плечи. Вот почему я кредит не взяла? Неужели банки страшнее этого великана в шубе?

– Твои десять процентов пыльцы, – по-деловому произносит Гелу, со скрипом почесав подбородок черным загнутым когтем. Ох, святые единороги! Да пусть бы кредиторы содрали с меня потом в два раза больше, чем взяла. Все лучше, чем быть разодранной этими когтями. В том, что великан может своими «ручными ножами» разделить тело, нет сомнений.

---

¹² Гелу – от латинского Gelu – лед. А еще это отсылка к одной старой компьютерной игре, в которую автор просто обожала играть.

– Мои девяносто. Сейчас не твое время, а у меня Избранная.

С лесным чудовищем Ангус торгуется еще яростнее, чем пару часов назад со мной.

– Хорошо, бери сорок пять процентов, но после опыления я оближу Избранную, – говорит Гелу, уже заранее в предвкушении обводя мясистым языком губы.

– Пятьдесят на пятьдесят, это мое последнее слово. И я сам ее оближу.

– Никто не будет меня облизывать! – возмущаюсь этим бесцеремонным обсуждением, но тут же затыкаюсь под раздраженным взглядом Ангуса и внимательно-заинтересованным – Гелу. Великан смотрит на меня, как на кусок стейка, который вместо того, чтобы спокойно лежать в тарелке, вдруг заговорил. Права народная мудрость: молчание – золото!

– Ты позволяешь своему человеку разговаривать?! – Рука, больше похожая на лапу с черными серповидными когтями, хлопает Ангуса по плечу. Чувствую, как Змей вздрагивает, но не подает виду, что его это как-то задело. Если придерживаться фактов, это не я его человек, а он мой демон. Но я благоразумно не раскрываю рта.

– Ох-хо-хо! – Великан запрокидывает голову и смеется, демонстрируя острые хищные зубы. Он не объясняет, что его так развеселило, но, отсмеявшись, добавляет: – Пятьдесят на пятьдесят, но я хочу посмотреть, как ты ее будешь облизы-

вать.

– Зови, – коротко бросает Ангус, сжимая мое плечо, как бы намекая, чтобы я дальше хранила молчание.

– Жаль, жертвы нет, но попробуем и так.

Стою посреди поляны рядом со сброшенной шубой лесного великана и наблюдаю, как тот скачет вокруг одиноко стоящего хвойного дерева и завывает песню про елочку. Да-да, ту самую «Маленькой елочке холодно зимой». Гелу своим острым когтем порезал ладонь и теперь брызгает кровью на серебристые в лунном свете иголки. Какие шарики? Какие пряники? Какая блоха?! Сказки становятся все более сюрреалистическими. Ангус стоит сзади, его ладони лежат на моих плечах. Он особо и не держит меня, но я чувствую: из его хватки не вырваться.

– Прилетели, ее почуяли, много сегодня собралось. – Утомленный прыжками великан подходит к нам. Бисеринки пота блестят на его лбу, скатываются к кустистым бровям, под которыми горят синим, обжигающе-холодным огнем два бездонных колодца глаз. От взгляда Гелу посреди теплой, летней ночи меня пробирает озноб.

Слышу тихий, стрекочущий звук со стороны дерева, лапы ели колышутся вверх-вниз под тяжестью облепивших ветви существ. Иголок почти не видно, только разноцветные стрекозиные крылышки трепещут, будто дерево вдруг расцвело экзотическими цветами. Но вот радужные бутоны отделяются, плывут ко мне. Я вижу прекрасных маленьких че-

ловечков, одетых в изящные сюртуки и короткие штанишки. Длинные светлые волосы заплетены в мелкие косички и украшены бусинками. Треугольные уши проступают между заплетенных кос. На головах у некоторых эльфиков надеты колпачки с маленьким бубенчиком на конце. Серебристый звон колокольчиков дополняет стрекот прозрачных радужных крылышек за спиной существ. Большие лучистые глаза смотрят на меня с любопытством и восхищением. Это же дивный народец! Фейри. Ух ты, они прекраснее, чем их описывают! Я уже не вижу Ангуса и лесного великана, эльфики кружат вокруг меня, напевают тоненькими голосами:

– Поиграем! Поиграем! Давай поиграем!

Один приземляется на мою раскрытую ладонь. От прикосновения маленьких босых пяточек щекотно, и я смеюсь, подставляя вторую руку. Еще несколько эльфиков спешат присоединиться к первому. Они начинают танцевать. Еще один малыш пробегает на руке вверх, садится на плечо, трогает мои волосы. От хоровода эльфиков начинает кружиться голова, и я присаживаюсь на так предусмотрительно сброшенную шубу. Эльфики играют со шнурками моих кроссовок, сидят на коленях. Один из представителей дивного народа подлетает к моему лицу, я чувствую невесомые касания крылышек. Пыльца! Радужная пыль осыпается с них, на миг взвивается разноцветным облачком и оседает на моей коже. Голова кружится все сильнее, я чувствую онемение в тех местах, где меня касались эльфики. Что такое? Эти нар-

котики для нечисти и на людей действуют? Вот же шь!

Пара эльфиков сидит на моем животе и тянет край футболки вверх. Когда я успела лечь? Надо встать! Крошечные ручки гладят открывшуюся полоску кожи. Еще один человек забирается под ткань. Елозит по моей груди всем телом.

– Кыш! Кыш! – размахиваю руками, пытаюсь сбросить крылатых существ с себя. Достая из-под футболки маленького наглеца, ухватив поперек талии. Эльфик дрожит всем телом, его крылышки стрекочут как ненормальные, обдавая меня тучами пылицы. А где его одежда? Да чтоб его! Что мне за нечисть такая извращенная попадается! Эльфик последний раз вздрагивает и расслабляется в моих пальцах. Футболку испачкал, тварь сказочная! Да они все тут голые!

Благодарю всех известных мне богов за то, что ручки этих существ слишком слабые, чтобы расстегнуть мой ремень на джинсах, но они не оставляют попыток залезть под мою одежду. Вот тебе и дивный народец! Ловлю особо наглого эльфа, вознамерившегося занырнуть мне в декольте. Маленькая тварь возмущенно пищит и кусается. Ох ты ж, единорогом через забор! Рот эльфа широко открывается, обнажая полный комплект острых зубок. Но боли от укусов я не чувствую, только все нарастающее онемение. Я думала, что ненавижу маленьких озабоченных собачек, которые пристраиваются к ноге и дергаются. Как же я ошибалась! Это не идет ни в какое сравнение с возбужденными эльфами! Моя одежда и кожа покрыты разноцвет-

ными разводами пылицы местами с белесыми потеками. И на это я согласилась всего за семь процентов, да еще и от пятидесяти?! Сколько это будет? У меня всегда было плохо с устным счетом.

– Ангус!

Где черти носят моего демона?! Ловлю очередного эльфа на попытке забраться под футболку. Отгоняю мелких пакостников от груди.

– Сиськи! – восторженно стрекочет эльф, вздрагивая всем белоснежным, тщедушным тельцем, выбрасывая в воздух еще клубы пылицы. Никому не буду рассказывать эту сказку! Ха, наверное, каждый, кому «повезло» так же, как мне, подумал о том же. Поэтому об этих маленьких тварях и нет легенд.

– Арина, я здесь, они уже улетели. – Перевернутое лицо демона появляется надо мной. Оттого, что я его вижу с непривычного ракурса, мне становится смешно.

– Ангус, мир перевернулся, верни все обратно, – хихикаю и трогаю его такое близкое лицо. Мысли путаются, перед глазами все плывет, и я не могу прекратить смеяться.

– Сладкая, сейчас мы соберем всю эльфийскую пыль и поедем домой. Только не трогай меня больше, договорились? У тебя на руках пылица, и если я вдохну или наглотаюсь, мое состояние будет в десять раз хуже, чем твое. Тебе же не нужен пьяный демон, да, сладкая? – Ангус уговаривает меня, как маленькую. К его покровительственно-снисходительно-

му тону я уже начинаю привыкать. Только почему я «сладкая», а не «детка»? Неужели угроза про «червяка» подействовала?

– Ты, когда молчишь, таким красивым кажешься, – заговорщицки сообщаю демону и прикладываю указательный палец к его губам в жесте «т-с-с, соблюдайте тишину в библиотеке». Ангус отшатывается, отплевываясь от налипшей радужной пыли.

Глава 7. Огненный дух лампы

Джин – Аладдину: – Судя по тому, как ты трешь волшебную лампу, у тебя нет девушки. © Народное творчество

– Ангус, опохмелить девушку, чтобы соблазнить? Я был о тебе лучшего мнения. Арина, милые трусики. Это что на них изображено? Зайчики? Не ожидал. Мне очень лестно. – Голос Лепуса врывается в мой затуманенный мозг. Почему я полураздета? Эльфиков-извращенцев помню, потом было холодно, тоже помню. А потом... Я целовалась с Ангусом? Вернее, это он меня целовал, гладил, а я не сопротивлялась, позволила снять одежду и была совершенно не против всего того, что он делал. Совсем не против... Вот же шь! Пока я судорожно одеваюсь, демоны успевают о чем-то переговорить. С легким хлопком Змей исчезает, а Децимус берет меня за руку и ведет в чашу.

Иду, спотыкаясь обо все корни и пни этого проклятого ночного леса. Лепус уверенно идет впереди, таща меня, как на буксире. Временами мне кажется, что он специально выбирает места с наибольшей концентрацией препятствий, и я с ностальгией вспоминаю, как легко мне было преодолеть это расстояние верхом на Ангусе.

– Кажется, это обэльфяченное пресмыкающееся дало неправильную метку! – Кролик останавливается, я утыкаюсь ему в спину. Мне же не видно вообще ничего! Луну заво-

локло набежавшее облачко, так что даже тусклый свет ночного светила не проникает сквозь кроны деревьев. Дурман пылицы почти развеялся, оставив после себя равнодушное отупение и сонливость. Меня даже сейчас не удивляет тот факт, что там на поляне полчаса назад я целовалась со Змеем, а потом млела под его ласками. Очень умелыми и приятными, стоит заметить. Вот же Змей-искуситель! Только не могу вспомнить, в какой момент я позвала Лепуса. Ведь я же его позвала?

– Похоже, нам придется дождаться рассвета здесь. А что, устроимся вон под тем кустом, ты мне опять покажешь своих зайчиков, а я тебе покажу своего. – Лепус оборачивается, а я чувствую, что ноги уже совсем не держат. – Эй, детка, ты куда? Не падай. Вот так, руку сюда, обопрись на меня.

Повиснув на демоне, думаю о том, что, похоже, Ангус с Децимусом поменялись для меня прозвищами. Неужели так трудно называть меня по имени? Арина. Это же так просто. Но сил нет озвучить эту аргументацию демону.

В нескольких метрах от нас мелькает огонек. Это же светится экран смартфона! На ветке сидит белка, держа в лапках мой телефон. Лепус тоже замечает свет, прислоняет меня к дереву и прыгает. Возвращается ко мне с зловещим выражением на лице из-за подсветки снизу, в одной руке у него мой телефон, а во второй – недовольно стрекочущая белка.

– Говори, где взяла? – грозно спрашивает Децимус зверька, а я отстраненно размышляю о том, что в этом лесу нель-

зя доверять никому. Белочка вот пришла. Тоже нечисть какая-то.

– Сладкая булочка, давай, пойдем, тут совсем недалеко. Обопрись на меня. Извини, понести не могу, ты слишком толстая.

– Что?! – На возмущенный вопль откуда-то находятся силы, как и на ответное: – Это не я толстая, это кто-то слишком слабый.

– Пойдем, пойдем, не будь тупой ослицей. Потом расскажешь мне, как я был не прав.

Мотоцикл мы находим спустя пять минут. Глаза закрываются, почти засыпаю стоя. Какая притягательная куча прошлогодних листьев! Пожалуй, посплю здесь.

– Что мне с тобой делать, моя сладкая булочка? У меня же тоже сил почти не осталось, все на переход в этот лес ушло. Полянка ведь не простая. А если мы вот так попробуем? – Лепус просто рассуждает сам с собой, мои ответы ему не требуются. С помощью демона я забираюсь на сидение байка.

Умудряюсь заснуть во время езды на мотоцикле, не обращая внимания на шум мотора и кочки. Я сижу лицом к Децимусу, обхватив его руками и ногами, забравшись с головой под полу кожаной куртки. На самых крутых поворотах я на миг просыпаюсь, но ощущаю, что демон придерживает меня, не давая свалиться, и тут же вновь погружаюсь в сон.

– Сладкая моя, приехали. Идем в дом.

Чувствую невесомое касание у виска на границе волос. Он

что, меня поцеловал? Оцепенение и оцепенение еще не отпускают меня. Поскорее бы добраться до кровати! Слезая, не успеваю самостоятельно сделать и пару шагов, как Децимус подхватывает меня на руки и быстро несет в дом. А говорил, сил нет! Хотя он два часа ко мне прижимался, подзарядился, наверное. Сплю.

Из дремы меня вырывает рука, зажимающая рот. «Арина, тише, сюда идут. Я чувствую изменение в поле. Когда зайдут в дом, попробуй выбраться в окно и добежать до байка. Ты водить умеешь?» – раздается в голове голос даймония. Теоретически я знаю, как управлять мотоциклом, но только теоретически. Сползаю с кровати, в бледном утреннем свете нахожу кроссовки, рюкзак. Хорошо, что уснула в одежде. Лепус настороженно косится на дверной проем, но я не вижу и не слышу ничего подозрительного.

«А ты не поедешь со мной?» – усиленно думаю в направлении Децимуса. Он меня слышит? Надо было раньше потренироваться мысленно общаться.

«Попробую задержать», – приходит настолько нехарактерный, самоотверженный ответ Лепуса, что я даже на секунду забываю о грозящей опасности и удивленно смотрю на демона.

«Когда будешь уезжать, не забудь мне крикнуть "сгинь"», – в следующем сообщении, пришедшем в голову, звучит насмешка. Он что, и правда считает меня тупой?

Децимус успел отворить окно и теперь жестами подзывает

меня. Какой-то звук, похожий на потрескивание углей в костре, слышится из коридора. Может, чур решил печку растопить? Но я сама знаю, что это не так. Кто-то пришел за мной.

– Уходи, это мой дом! – слышу голос домового из кухни.

«Лезь давай!» – Децимус подталкивает меня к окну, подсаживает, помогая выбраться наружу и успевая в процессе легонько похлопать по заднице. Я хочу возмутиться такому бесцеремонному обращению, но не успеваю даже сформулировать мысль, как становится совершенно не до этого. Через открытое окно мне видно, кто вошел в комнату. Высокий, почти упирающийся в потолок головой мужчина стоит в дверном проеме, из-под чалмы выбиваются красные волосы, темные вытянутые к вискам глаза смотрят спокойно и даже со скукой. Будто он собирается выполнить рутинную работу, которая надоела ему до зевоты. Пришелец разводит руки, словно желая продемонстрировать свое прекрасное телосложение. Мышцы бугрятся под смуглой кожей, завораживающе перекатываются сытыми змеями, у него тело античного Геракла, если не считать того, что ниже пояса оно перестает быть человеческим, превращаясь в красно-желтую дымку, закручивающуюся спиралью. В ладонях существа возникает пламя, языки огня лапятся к обнаженной коже, как игривые котята. Ифрит!

– Убирайся, наемник. Обратись к Двенадцатому, он перекупит твой заказ, – подает голос Лепус. Речь его звучит уверенно, но я чувствую: даймоний боится. Судорожно вспоми-

наю всю известную мне информацию об этих созданиях. Ифриты – повелевают огнем. Это и так видно, дальше. В Коране «ифрит из джиннов» значит «сильнейший из сильных». Не очень радостная новость, за мной пожаловал не просто какой-то дух-джинн, а представитель высшего сословия. Они тоже исполняют желания, но стараются извратить все слова, причиняя пожелавшему максимальный вред.

– Не стой на пути, демон. – Ифрит касается ладонью стены, и пламя растекается по поверхности концентрическими кругами. В один миг огонь охватывает всю комнату. Бабушкин дом горит! Я забываю, что надо бежать, стою в оцепенении у окна, наблюдая, как ставший красным от отблесков пламени ифрит приближается к Децимусу. Мне в лицо пышет жаром раскаленного воздуха из окна.

– Лепус, сгинь! – кричу, но не успеваю. Горящая тяжелая дубовая балка обрушивается на Децимуса, припечатывая его к полу. В гудении огня раздается еле слышный хлопок, и демон исчезает. Ифрит стоит посреди бушующего пламени и улыбается мне. Бегу со всех ног к мотоциклу. Но огненное создание оказывается быстрее, настигая меня у колодца.

– Избранная, стой, я не причиню тебе вреда, – уговаривает он меня тоже с ленцой. Он как будто и не спешит во все, но неумолимо приближается. Я хватаю ведро, стоящее у колодца. Вода, может, она поможет? Ифрит все-таки огненное создание. Как окачу его водой, останутся от него одни головешки! Но ведро почти пустое, только на дне болтает-

ся совсем немного жидкости. Плескаю. Ифрит смеется, от его груди исходит пар. Вот если бы его в колодец засунуть. Эх, мечты-мечты. Какое-то время мы играем в кошки-мышки вокруг колодца. Стараюсь вспомнить хоть какую-нибудь полезную информацию об ифритах и не смотреть в сторону уже всюю полыхающего дома. Молитва правоверного! Все джинны ее боятся. Я же учила какую-то сутру для доклада по мусульманской религии. Вспоминай, Арина!

– Бисмил-ляяхь. Аллаахумма джаннибнаш-шайтаанэ ва джаннибиш-шайтаана маа разактанаа¹³.

Сильнейший из джинов замирает при моих словах. Получилось? Пользуясь заминкой, бегу со всех ног.

– Заманчивое предложение... Но, к сожалению, кодекс наемников запрещает, – слышится голос ифрита.

О чем это он? Святые единороги! Как я могла забыть? Готова ударить себя по лбу. Мой доклад был о семейных отношениях мусульман и о том, какие предписания по этому поводу предоставляет Коран. И эту молитву, что я произнесла, читают перед супружеской близостью. Почему я бегу к сараю? Потому что на пути к мотоциклу ифрит. Мозг не думает, а ноги сами выбирают, что им делать. Забегаю в сооружение, захлопываю дверь, оглядываюсь в поисках окна, через которое можно вылезти. Я идиотка! Окна слишком маленькие, а сарай наполовину набит дровами и старым сеном.

---

¹³ Примерная транскрипция молитвы «Начинаю с именем Господа. О Всевышний, удали нас от Сатаны и удали Сатану от того, чем Ты наделишь нас!».

Полыхнет в один миг!

– Избранная, выходи, я не хочу поджигать и эту постройку, – раздаётся голос ифрита снаружи. Я мечусь от окна к окну, надеясь, что ошиблась и смогу выбраться. Но слова джинна заставляют меня задуматься. Он не хочет поджигать, значит, я действительно ему нужна живой, а не в виде поджаренной тушки. Взгляд падает на кучу хлама, сваленного в одном из углов сарая. Ифриты – это джинны! Это мой шанс. Знаю я одну сказочку...

– Я сейчас выйду! – кричу, копаясь в сваленной груде вещей. Где крышка? Вот она. Обхватив двумя руками старинный медный самовар, подхожу к двери.

– О, великий ифрит, ты так громаден, я боюсь тебя!

– Я могу быть еще больше! – напыщенно отвечают мне из-за двери.

– Трепещу, о великий ифрит! Я слышала легенду, что самые сильные ифриты могут упираться макушкой в облака. Но, наверное, это только сказки.

– Я так могу. Смотри, Избранная!

Потрескивающий звук усиливается, а я, приоткрыв дверь, вижу ифрита высотой с многоэтажный дом. Ой, мамочки! Как же страшно!

– О, теперь я вижу, ты очень могучий ифрит. Но я слышала легенду, что самые-самые сильные ифриты способны уменьшиться настолько, что спрячутся даже в небольшом сосуде. Например, в самоваре. Но, наверное, это враки. Ни-

кто так не может. – Я осторожно делаю шаг из сарая, держа в руках открытый самовар. Когда-то блестящий, сейчас он весь покрыт патиной.

– Это легко, недоверчивая смертная, смотри, – смеется ифрит, превращаясь в красный туман и собираясь в клубок на дне самовара.

– Ты очень могучий ифрит! – говорю, закрывая посуду крышкой. Попался! Сразу же изнутри раздаются проклятия и ругательства. Была лампа Аладдина, а стал самовар Арины! Аккуратно ставлю медную посудину на землю и сама почти падаю рядом, прислоняясь спиной к стене сарая. Я это сделала! Поверить не могу, что грубая лесь и подначки сработали. Я победила посланного за мной огненного джинна! Как все-таки полезно знать сказки, в них буквально расписаны инструкции по борьбе со всякой нечистью. Грохот обрушивающейся крыши дома прерывает мое ликование от победы. Чур! Домовой Тихон! Он выжил? А Лепус в порядке? Я его отослала, но есть ли там кто-нибудь, кто ему поможет?

– Лепус! Чур! – не обращая внимания на ругающегося в самоваре ифрита, встаю и иду к пылающему пожарищу. Заваленная уже догорающими балками печь развалилась на кирпичи. Ифритов огонь очень быстро распространился и спалил дом дотла.

– Дедушка чур! Тихон Панович! Чур! – Никто не приходит на мой зов. Стою, смотрю на мерцающие угли, бывшие когда-то домом, почти не замечая, как слезы струятся по ще-

кам. – Чур, выходи! Я тебе яблок дам и молока, много-много! Сколько попросишь!

Нет ответа.

– Лепус! – оглядываюсь, но демон так и не появился рядом. Он меня не слышит? Он тоже... умер? – Лепус, явись передо мной, как лист перед травой!

На земле возникает распростертое тело Децимуса в той же позе, в какой он был после удара балкой.

– Лепус! – кидаюсь к демону, он выглядит страшно. Правая рука неестественно выгнута, футболка в подпалинах, через дыры проглядывает обожженная до пузырей кожа. Его длинные волосы обгорели и теперь свисают на лицо неопрятными клочьями. Касаюсь шеи, пытаюсь нащупать пульс. Будь жив, пожалуйста, называй меня, как захочешь, только будь жив, умоляю!

– Сладкая булочка, это ты? – На миг демон открывает невообразимо желтые глаза. А я понимаю, что плачу от облегчения, от жалости, от пережитого страха.

– Лепус, что мне сделать? Как тебе помочь? – осторожно убираю подпаленные черные волосы от бледного лица демона.

– Мне нужна энергия. Если ты согласна, то можешь поделиться через кровь или секс. Хотя для последнего я немного не в форме. – Децимус пытается улыбаться, но получается у него не очень. Демон прикрывает глаза, похоже, вымотанный этими несколькими фразами.

– Молчи, идиот! Я дам тебе своей крови. – Копаюсь в рюкзаке, пытаюсь отыскать складной нож. Закатываю рукав и надрезаю кожу запястья. Темная струя бежит вниз по ладони, подставляю красный поток к губам Лепуса. Как много крови! Я слишком сильно резанула. Зажмуриваюсь от боли, ощущаю пальцы Децимуса, сжимающие мою руку. Понимаю, что демон уже не лежит, а сидит, слизывая и глотая кровь, бегущую из моего запястья. Вспоминаются легенды о вампирах. А эти кровососы существуют? Наверняка. Хотя, думаю, не такие милашки, как в современных книжках. Ну что за бред, Эдвард этот с его «ты так упоительно пахнешь, как будто ты мой личный сорт героина». Вот же шь! Ведь это сейчас я теперь вся такая волнующе-ароматная для нечисти! Не хочу быть Беллой!

– Ты в порядке? Я немного увлекся. – В голосе Лепуса слышится раскаяние, он зажимает мою рану, останавливая кровотечение. Рядом со мной сидит совершенно здоровый демон, и только подпаленные волосы и одежда напоминают о случившемся. Хотя... Его лицо. Что-то изменилось. Всматриваюсь, пытаюсь понять.

– Ты как-то не так выглядишь... Все раны зажили? Бинт лежит в рюкзаке в маленьком кармашке сбоку. – Я все еще всматриваюсь в лицо Лепуса, пытаюсь понять, что не так. Это из-за того, что у него волосы стали короче?

– Ты совершенно новая сила, такого еще не было, я в полном порядке и даже больше, – с восхищением говорит Деци-

мус, ловко бинтуя мое запястье, а потом неожиданно целует мою ладонь. Это такая благодарность?

– Больше?

– Я повзрослел, чувствую это по силе! Заметно? У тебя есть зеркало? – Демон ощупывает свое лицо, потом натывается на подпаленные короткие локоны: – Я их столько лет отращивал! Надо будет заглянуть в парикмахерскую. Вообще, поехали в город отсюда.

Демон встает. Ого! Он что, стал еще выше? Хотя нет, просто шире в плечах. И подростковая угловатость пропала. Теперь никто бы не принял Лепуса за ребенка. Надо мной возвышается молодой мужчина. Очень привлекательный, даже несмотря на полоски сажи и рваную одежду. Он и до этого был милым, а теперь... Вот же шь! Децимус протягивает мне руку и только потом оглядывается вокруг и мрачнеет.

– Чура жалко, хороший мужик был. Домовые не живут без своего очага... А ифрит где? Сладкая булочка, куда ты дела огненного духа? Вызвала Ангуса? Где он? – Лепус засыпает меня вопросами. Я стараюсь отвечать коротко и по существу. Действительно, почему я не позвала Ангуса? От страха забыла о такой возможности? Или испугалась, что он тоже не совладеет с огненной нечистью? Кто вообще о ком должен заботиться? Я о демонах или они обо мне?

– Отдай мне самовар на хранение, а потом договоримся об обмене. Сейчас джиннов в сосуде днем с огнем не сыщешь!

– Хорошо, бери, и давай быстрее уберемся отсюда. Только

не домой, не хочу подвергать родных опасности. – Я оглядываюсь на пепелище, и непрошеные слезы опять выступают на глазах. Чур тоже родня, а вот теперь из-за меня...

– Поедем в гости к Ангусу, – предлагает Лепус, заводя мотоцикл. Сажусь позади демона, крепко обхватывая его торс. И мы мчимся навстречу разгорающемуся летнему дню, как в каком-нибудь приключенческом фильме.

Глава 8. Камни равновесия

«Время разбрасывать камни и время собирать камни»

© Книга Екклесиаста

Чем ближе мы подъезжаем к городу, тем страшнее мне становится. Одно дело – сидеть в глухой деревне, а совсем другое – оказаться в мегаполисе, где полно не только людей, но и нечисти. Они же меня почуют! Слишком много всего и сразу навалилось на меня в последние дни, события смешались, наслаиваясь друг на друга. Волколаки, лесной великан, эльфики-извращенцы, ифрит, Змей и Кролик будто бы решили поиграть в чехарду в моей голове, скачут туда-сюда, не давая сосредоточиться на чем-то одном и хорошенько обдумать.

– Останови! Мой запах! – кричу Лепусу, а встречный ветер уносит мои слова. Он меня услышит? Хвастался же своими большими и чуткими ушами!

«Слушаю и повинуюсь», – приходит насмешливый ответ демона, напоминающий мне о том, что драть глотку было совсем не обязательно. Мотоцикл тормозит у заправки. У меня возникает ощущение, что демон и так собирался здесь делать остановку.

– Подожди тут, я скоро.

Лепус возвращается действительно очень быстро, неся в руках два стаканчика с кофе. Я благодарно принимаю и пью

обжигаяще горячий напиток. Усиленно думаю, глядя прямо в лоб демона: «Лепус, найди, пожалуйста, способ замаскировать мой запах Избранной».

«Уже занимаюсь этим, сладкая булочка», – тут же приходит ответ.

После того, как мы допиваем кофе, демон манит меня пальцем к себе поближе.

– Ты придумал?

– Конечно, уже давно, – отзывается Лепус, ловко выливая какую-то жидкость мне на голову. Резкий хвойный запах бьет мне в нос, не успеваю опомниться, а Кролик уже активно обрызгивает меня с ног до головы из небольшого тюбика.

– Что это такое? Ты меня полил ароматизатором для салона автомобиля?!

– Теперь ты елочка, а не сладкая булочка. Хвойный запах – самый эффективный для маскировки, – невозмутимо поясняет демон, потом морщит нос: – Ну ты и воняешь!

Я сама готова нацепить на нос прищепку: запах получился концентрированный. Но зато у нечисти весь нюх отобьет! И это утешает.

– А вот это надо выбросить. Или нет, разбрасываться не будем, просто спрячем. – Лепус задирает рукав моей куртки и разматывает повязку с пятном засохшей крови. Я в изумлении смотрю на красную полоску шрама на том месте, где должна быть почти свежая рана от ножа. Уже все зажило? Пока я удивляюсь новоприобретенной регенерации, Де-

цимус успевает откуда-то извлечь пластиковый пакетик на вакуумной застежке и поместить туда испачканный кровью бинт. Потом Лепус неожиданно лижет мой шрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.